

[Polaris]

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ

УБИЛ ГИТЛЕРА

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XLV

Salamandra P.V.V.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УБИЛ ГИТЛЕРА

Salamandra P.V.V.

Ландсхоф-Йорк Р., Дженнингс Д., Малькомсон Д.

Человек, который убил Гитлера. Комм. Е. Макшеева. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 98 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XLV).

Опираясь на опыт немецкого литературного и кинематографического экспрессионизма, этот фантастический роман-памфлет рассказывает о враче-психиатре, поневоле ставшем убийцей. Но его преступления – ничто в сравнении с безумием целой страны, добровольно шагнувшей в пропасть нацизма.

Сегодня, когда наследники идей гитлеризма вновь подавляют инакомыслие, расправляются с политическими противниками, раздувают национал-«патриотическую» истерию и затевают новые «аншлюсы» и войны, эта книга, вышедшая в свет анонимно 75 лет назад, совсем не кажется устаревшим историческим артефактом. Она читается как предупреждение.

ЧЕЛОВЕК
КОТОРЫЙ
УБИЛ
ГИТЛЕРА

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УБИЛ ГИТЛЕРА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Где-то в Рейхе должен был быть человек, которому предстояло убить Гитлера.

Доктор Карл Моллер остро осознал это, когда хорошо начищенные сапоги нацистов заколотили до смерти его жену в канаве на Рингштрассе. Именно тогда мелькнула впервые эта дикая мысль.

С Рейхом у него были связаны тяжелые чувства.

Австрия, погибшая благодаря черной заразе, распространившейся из Берлина, уже стала частью Рейха.

Это произошло всего семь дней тому назад.

Приветливое лицо Вены потемнело. На нем вытащивали свастику. Его затоптали ногами.

Последний крик умирающего города затерялся в хоре голосов, рычавших:

— Хайль!..

Здесь, где покорялся старый гордый народ, была смерть.

Там, в криках гитлеровских детей, была жизнь.

Из высокого окна своего кабинета в штейнгофском санатории доктор Моллер мог видеть Гитцинг, — старинное предместье Вены.

Вокруг главного здания, как грибы среди кустов, были разбросаны маленькие белые домики, в которых жили больные — дети, молодежь, старики. Все они были на попечении доктора — ему были вверены их больные рассудки.

Они жили здесь совершенно обособленной жизнью, не зная о том, что делается за стенами санатория, о том, что существует еще один род человеческого безумия в этой стране.

— Да, это безумие, — подумал доктор Моллер, — и скоро оно проникнет сюда, к нам, и эти... Эти новые безумцы будут издеваться над нашим искусством... возможно, они уже и теперь подозревают меня... —

.

Размышления доктора Моллера были прерваны коротким стуком в дверь его звуконепроницаемой комнаты.

Доктор слегка вздрогнул, как вздрагивают люди, которых отрывают от их мыслей, и обернулся.

В двери просунулась стриженная голова служителя во всем белом.

— Простите, господин доктор! Пациент Хенрат.

— Ну, что он еще сделал?

— Он снова пытался убежать, господин доктор. Он разбил два окна в капелле, когда мы ловили его.

Доктор Моллер кивнул головой и длинными, тонкими пальцами поскреб щетину на подбородке.

— Да, да, конечно, — сказал он. — Хенрат способен на это. Он ненавидит то, чего боится.

— Дать ему морфия?

— Нет!

Доктор Моллер вытащил из кармана своего длинного накрахмаленного халата бумажный платок и медленно вытер им тонкие стекла очков. Руки его слегка дрожали.

— Не надо пока давать ему ничего успокоительно-го. Может быть, мы сумеем усмирить его без этого.

— Как вам угодно, господин доктор. Есть еще какие-нибудь приказы по палате?

— Спасибо, никаких. Впрочем, подождите! Скажите, как сегодня настроен больничный персонал? Сильно волнуются?

Доктор Моллер тут же пожалел о том, что задал этот вопрос.

Служитель выпрямился и на его толстом лице появилось нечто вроде улыбки.

— Никакого волнения нет, — сказал он, — среди свободных людей. Фюрер вернулся к своему собственному народу и показал нам наш настоящий путь!

— Ах! Так значит уже? Так скоро! Да, да... — сказал доктор. — Среди свободных людей!..

— Это все, господин доктор?

— Да!

Дверь бесшумно закрылась, причем психиатр заметил, что пока он еще не слышал здесь обычного «Хайль Гитлер».

Завтра, может быть, через два дня, мирные залы Штейнгофа будут звенеть от этого приветствия. И только сумасшедшие пациенты не будут знать, что это означает.

Доктор Моллер повернулся и подошел к окну. Оно тянуло к себе, как тихий голос, доступный только его истерзанному рассудку.

Много времени тому назад, еще до того, как ничтожный капрал вышел из своих траншей для того, чтобы стать диктатором Гитлером, доктор Моллер уже привык смотреть из своего окна и наблюдать за новыми пациентами, подходившими к воротам.

Иногда они гуляли одни, иногда в сопровождении санитаров, но всякий раз, наблюдая за ними, доктор почерпывал нечто новое.

Был какой-то новый язык в их походке, в манере размахивать руками, в этих вздернутых кверху подбородках или опущенных ртах.

Иногда он почти совершенно точно мог определить состояние больного, прежде чем тот входил к нему в кабинет для осмотра.

Но теперь с этими странными образами было покончено. Оставалось только два, вполне ясных и отчетливых.

Один из этих людей был тот самый, которого много, много лет тому назад доктор видел идущим по окаймленной деревьями Штейнгофштрассе. Доктор Моллер обратил на него внимание. Человек этот дергал тонкие кончики своих длинных усов. Вокруг его рта была заметна морщина, сама ставившая диагноз:

— Мания преследования.

Но человек этот не вошел в Штейнгоф. Он отправился по направлению к заросшему плющом замку в Шенбруннском парке и абрис его покатых плечей исчез среди шуршащих лип.

— Этому человеку следовало бы быть здесь, — сказал себе тогда доктор Моллер. — Его рассудок не в порядке.

Прошло много лет, и доктор Моллер снова увидел этого человека. Он не забыл его лица, хотя теперь оно несколько изменилось благодаря усам, которые были подстрижены в виде короткой черной щетки. Плечи этого человека стали казаться выше из-за покроя коричневой рубашки. В одном глазу засверкал монокль...

Окно шептало также о Грете, жене доктора.

В последний раз он видел свою жену, когда она весело вышла на прогулку. Ее маленькие каблучки стучали по камням, как кастаньеты. Она только что завилась и на ее гонком, гордом личике сияла улыбка.

— Куда это ты собралась, дорогая? — спросил он жену, когда она покидала его кабинет.

— На базар! Купить жирного поросенка!

— Чепуха! — засмеялся он. — Ни одна хозяйка не идет на базар напевая.

— О, Карл! — ответила она также со смехом. — Мужу никогда не следует знать слишком много о том, что у жены на уме. Конечно, я иду за покупками. На Рингштрассе посмотреть себе шляпу.

— Шляпу? Для весны?

— Да, милый.

— Купи себе желтую шляпу, — сказал он, пожимая ее руку. — Я люблю желтый цвет. Знаешь, такой свежий, как весенние колокольчики, цветущие сейчас у нас в саду.

— Я предпочла бы синюю шляпу под цвет твоих глаз, — сказала она, поддразнивая его. — Но так и быть, пусть будет желтая!

Она поднялась на цыпочках, похожая на маленькую коричневую птичку, и поцеловала его в шею, около уха.

Потом она ушла.

И никогда больше он уже не увидел своей Греты.

Она шла по извилистой Рингштрассе и попала в толпу.

Она увидела группу мужчин и женщин, которых волокла бешеная толпа, рычавшая, как море. Она увидела в этой толпе черные и коричневые рубашки. Она увидела лица людей своей собственной еврейской расы; тут были испуганные лица и, наоборот, очень упрямые.

Массивные каменные дома возвращали толпе эхом ее крик:

— Смерть евреям!

Тогда над этим человеческим потоком раздался голос Греты Моллер:

— Неужели это та самая справедливость, которую Гитлер обещал своему народу, когда покидал Авст-

рию? Мы ведь ничего ему не сделали. Мы хотим только мира!

Этот голос, раздавшийся, как слабый звук горна, был все-таки услышан людьми со знаками свастики на рукавах.

— Замолчи, жидовка! — сказал один из них. — Ты — дура, если лезешь сюда. Лучше бы тебе сидеть дома.

— Дома? — переспросила Грета, к которой неожиданно вернулось спокойствие. — Я у себя дома!

— Пошла прочь! — сказал тот же человек в коричневой рубашке. Он не привык разговаривать с женщинами и на его юном, розовом лице было написано явное смущение. Он только выполнял свой долг.

— Я имею право говорить, — мягко возразила она. — Я старше вас. Ваш Гитлер больше не австриец. Ваш Гитлер не может...

— Хайль Гитлер! — воскликнул юноша.

И так как никто не учил его, как надо умирять людей, неводержанных на язык, он ударил Грету и сшиб на землю.

Вид крови всегда вызывает еще большую жажду ее. Это как искра, как вспышка пороха...

Улыбающаяся Грета Моллер покатила в канаву.

Потом ее маленькое тело топтали ногами. Она улыбалась до тех пор, пока кровь не хлынула у нее из горла и последний удар сапога не заглушил ее голоса навеки.

Карл Моллер узнал об этом только ночью.

Перед тем он провел несколько безумных часов, ходя по Рингштрассе из магазина в магазин и спрашивая о даме с карими глазами, которая хотела купить желтую шляпу.

Она ушла... ушло и ее тело.

Нацисты приказали затолкать его поглубже в канаву и засыпать известью. Это лучший способ уничтожать трупы.

А муж Греты, как ариец, стал клейменым человеком.

В те страшные дни доктор Моллер потерял всякий контроль над своей мыслью.

Траура он не носил. То, что произошло с ним, было выше обычного горя, требующего своего реального выражения.

Единственное, что осталось у него, это способность понимать чувства других. Теперь он снова особенно ясно осознал, насколько тонка нить, отделяющая здравый рассудок от больного.

Его жену убили, а его самого заклеямили как преступника за то, что он любил еврейку.

Теперь за ним наблюдали, выжидая.

Он был один в Шенбрунском парке, когда ему впервые пришла мысль о том, что кто-нибудь должен обязательно убить Гитлера.

Он приходил сюда в парк отдыхать под приветливой листвой шелестящих берез и дубов. Здесь он мог разговаривать с небом, с молчаливыми тропинками, обрамленными зеленью, и с ней.

Ушедшие мертвые императоры Австрии, приказывая посыпать эти тропинки гравием, может быть, пекли такие же душевные бури. Нигде в мире не было таких прямых, красивых и приятных для прогулки тропинок.

Впрочем, доктор знал две тропинки еще прямее, чем эти.

Одна из них была та, по которой шел Гитлер. Это был путь маньяка.

Вторая была путем мрачной решимости: она шла навстречу первой. Эти две тропинки должны были встретиться.

Иногда скорбный доктор обращал свой ищущий взгляд к белому гребню гор вдаль. Как много раз приходил он в Шенбрунн со многими неразрешенными проблемами и каждый раз молчаливый вид гор успокаивал его мысли.

Иногда, покинув парк, он шел в капеллу Штейнгофа и преклонял колени перед золотым алтарем, пока лучи закатного солнца не окрашивали багрянцем высокие окна.

— Такие измученные умы, как наши, нуждаются в поддержке свыше, — говорил он.

Эта поддержка была сейчас необходима еще больше, чем его пациентам.

А потом нужно было идти назад в свой кабинет.

— Надо перестать думать. Перестать думать! — говорил он себе в таких случаях. — Гитлера нет! Гитлера нет! Существую только я один. Время — моя терапия.

.

Доктор Моллер опустился в кресло у письменного стола и нажал кнопку с надписью: «Доктор Францель».

Как раз в этот момент дверь вторично открылась, и перед доктором предстал высокий молодой человек с волосами почти такими же светлыми, как и его полотняная рубашка.

— Доброе утро, Эрих! — сказал Моллер.

— Доброе утро, господин доктор. Вы хорошо отдохнули в прошлую ночь?

— Отдохнул!

На губах у доктора промелькнула насмешливая улыбка.

— Какое смешное слово!

Лицо молодого человека омрачилось.

— Может быть, вам следовало бы проехаться куда-нибудь? — заметил он. — Новые впечатления!..

— Обычный рецепт, мой мальчик, — сказал доктор Моллер. — Конечно, было бы очень неплохо, если бы я мог прокатиться в Берлин.

— В Берлин? Почему именно туда, господин доктор?

Моллер пожал плечами и снова обратил взгляд к окну.

— Так просто... каприз... Но я не могу поехать вообще никуда. Они уж позаботятся об этом. Но вы?... Вам следовало бы съездить в Берлин.

Глаза Францеля затуманились. На лбу у него появилась морщина.

— Вы говорите сегодня загадками, — сказал он.

— В Берлине нужны такие северяне, как вы, — упрямо продолжал Моллер. — Там понравятся ваши арийские брови, ваши лимонные волосы, ваши голубые глаза. Да, нацистам вы придетесь по вкусу.

— Простите, господин доктор!

Францель вдруг почувствовал себя неловко и в мозг его прокралось нечто вроде подозрения. Доктор Моллер вел себя так странно в последние дни и Францелю приходилось бороться за то, чтобы отделять дружбу от чисто профессионального суждения. Неожиданное горе, большие потрясения иногда...

— Простите, Эрих, — сказал доктор Моллер. — Вы должны извинить мне мою болтовню. Ну-с, что у нас на очереди?

Францель смущенно дернулся.

— Новый пациент из Линца. Он состоял раньше в секретном отряде коричневых рубашек!

— Нацист! У нас?

Кровь отлила от лица доктора Моллера.

— Это же пациент, — быстро напомнил ему доктор Францель. — Параноик. Он совершенно безобиден. Вот его бумаги!

Доктор Моллер откинулся назад на спинку кресла.

— Хорошо, Эрих. Приведите его сюда.

Францель вышел с поклоном.

Первый коричневорубашечник в Штейнгофе!.. Итак, здесь были тайные нацисты еще до аншлюса... они скрывали свои преступные мысли, прикрывались чужими мантиями. А когда Гитлер подал знак, они все вдруг поднялись из своих углов, как зубы Язона. О, жалкое, опасное племя, в котором каждый человек становится нацистом!

Доктор Моллер все еще пересматривал бумаги нового пациента, когда дверь широко распахнулась. Францель тихо кашлянул.

От усталости доктора Моллера уже не осталось и следа.

Нацист или не нацист — безразлично; это был прежде всего больной.

Доктор улыбнулся, почувствовал себя снова в служебной одежде, которая была так удобна и создавала дружескую атмосферу.

— Доброе утро, друг мой!

Пациент выбросил вверх руку.

— Хайль Гитлер!

— Садитесь, — сказал доктор Моллер.

Прямая как шест фигура не колыхнулась. Только опустилась вниз рука, точно после сигнала, когда пошел поезд.

— Очень хорошо, — так же мягко продолжал психиатр. — Можете продолжать стоять. Надеюсь, вам будет хорошо у нас... Господин... — тут доктор заглянул в документы. — Господин Северин Браун. Это ваше имя, не правда ли?

— Нет!

Голос больного звучал резко.

— Кто же вы такой?

Снова презрительный ответ:

— Вы узнаете после. И вам это не понравится!

Глаза доктора Моллера скользнули по бесстрастному лицу пациента.

Паранойя! В таком случае, она была заключена в страшную, загадочную скорлупку.

Новые пациенты редко бывают такими грубыми и презрительными. Они обычно держатся, как дети, играющие в маскарад и желающие, чтобы им верили.

Но этот человек не казался таким ребенком. Он, казалось, был весь из стальной проволоки, прямой, со сжатым ртом, с неподвижными глазами цвета голубого мрамора.

Покрой его куртки с серебряными пуговицами выдавал в нем сельского жителя из Мондзее, вблизи Зальцбурга. Это была родина доктора Моллера.

Может быть, если пациент узнает имя своего врача, он станет приветливее.

— Где ваша, родина друг мой? — спросил доктор.

— Великая Германия!

— Нет, я хотел только знать, откуда вы, — невозмутимо сказал доктор. — С озера, или с гор?

— Освободители не живут на равнинах. Высоко, в Оберзальцбурге выстроил Гитлер свою хижину!

— Хижину! — фыркнул Францель, впервые вмешавшись в разговор. — Это дворец!

Но глаза доктора Моллера сузились, сделав предупреждающий знак, и сконфуженный ассистент замолчал.

Голос старшего врача стал слегка хрипеть, как много игравшая граммофонная пластинка, когда он снова заговорил:

— У вас есть жена? Дети?

— У Гитлера нет жены!

Гитлер, Гитлер! Доктор Моллер начинал понимать, в чем тут дело.

Он помолчал немного и снова опустил глаза на отпечатанный на машинке медицинский рапорт, присланный из Линцкого госпиталя. Доктор прочел в нем строки, который сначала не заметил... Браун был членом тайного нацистского союза... Браун был в заключении... Браун страдал бредовыми идеями.

— Вас интересует политика? — осторожно спросил доктор Моллер.

— Свобода, а не политика! — голос человека зазвучал громче, и в нем послышалось нечто вроде обвинения.

— Вы! — продолжал он. — Почему вы не в партии?

Доктор Моллер вздрогнул и обернулся к окну, но оно было закрыто. Он знал, чего он боялся. А этот человек знал, что доктор не состоит в партии. Не был ли это просто шпион, подосланный для того, чтобы следить за ним?

Возможно, что вездесущие нацистские уши подслушали его разговор с самим собой в парке? Или, может быть, кто-нибудь следит за его почтой? А может быть, его выдала скорбь на лице?

От нацистов вообще всего можно было ожидать. Может быть еще, а впрочем — конечно, так... Ему только сейчас пришло это в голову — он ведь не ответил

на «Хайль Гитлер». Благодаря этому пациент мог сразу же раскусить его.

Доктор почувствовал, что кровь стынет в его жилах, когда он снова заговорил:

— Может быть, вы считаете, что попали сюда по несправедливости? Может быть, вы не хотели бы быть здесь?

— Да, да! — дико засмеялся Браун. — Меня загнали сюда враги. На улицах была кровь и лежали такие же люди, как вы!

— Но я не враг ваш. Я — ваш друг!

— Вы думаете, что я сумасшедший?

— Конечно, нет.

Лицо доктора Моллера было совершенно бесстрастно. Но за этой равнодушной маской крылось удовлетворение. Пациент начинал говорить теми формулами, какими обычно говорили все параноики. И, как всегда, голос доктора произвел нужный эффект. Браун был поставлен в соответствующую колею. Он сразу же как-то обмяк и с открытым ртом опустил на долго ожидавший его стул.

— Вы, значит, признаете что я не безумен?

— Какое неприятное слово, — сказал доктор Моллер. — Конечно, если вам здесь не нравится, вы можете не оставаться здесь!

— Вы хотите сказать, что я могу уйти?

— Да!

Мрачное лицо пациента приняло изумленное выражение, какое бывает у детей, когда им дают в руки игрушку, а затем отбирают. Его упрямые голубые глаза смотрели то на одного врача, то на другого. В них сквозило явное недоверие.

Он ожидал, что с ним будут обращаться грубо, что его будут насильно заставлять оставаться здесь. Так жи-

вотное боится быть прирученным и в то же время хочет иметь хозяина.

— Может быть, — продолжал доктор Моллер, — вы хотите, чтобы я ушел?

— Нет! — быстро ответил Браун, но тут же повернул голову к Францелю.

— А вы уйдите! — сказал он, тыкая в него пальцем. — Вы уйдите!

Пациент определенно поддавался внушению. Молодой ассистент многозначительно улыбнулся своему начальнику и, не говоря ни слова, как он всегда делал в таких случаях, вышел из комнаты.

Только теперь доктор Моллер снова почувствовал гнетущую тяжесть на спине, которая вызывалась у него усталостью.

Обычная работа, которую он приветствовал, как старого друга, после кошмара Рингштрассе, нарушала единение, но все-таки и отрывала доктора от его затаенных мыслей.

Он посмотрел на Брауна, сидевшего против него. Человек точно оживал: казалось, что на нем оттаивала восковая маска, показывая его настоящие черты.

Теперь в кабинете было только два человека.

— Вы спрашиваете меня, кто я? — сказал он неожиданно. — Вы знаете кто? Германия пробуждается. Мы топчем всех, кто загораживает нам дорогу. Одна нация, один фюрер!

— Да, да, — соглашался доктор Моллер, удивляясь бешенству, с которым человек произносил все это.

— Вы знаете вашего хозяина, — сказал Браун, тут губы его растянулись в безумной усмешке. Он стал смеяться, но доктор Моллер уже привык слышать такой смех. Кнопка с именем Францеля была у него под рукой. Стоило только нажать ее... Но лучше было подождать еще немного.

Голос Брауна переходил уже в крик.

— Вы трусы! Вы все трусы! Дураки и интеллигенты должны уйти! Мы сожжем ваши книги! Ваши церкви! Ваши магазины! Вы боитесь, как ваш Дольфус, который кричал, пока мы не пристрелили его. Вы дрожите, как ваш Шушниг. Он стоял, как женщина, на коленях и плакал передо мной.

— Перед вами?

Изумление доктора было так велико, что он, забыв о своей роли, вскочил с кресла.

— Да, передо мной. Я — фюрер!

Психиатр вздрогнул.

Он видел в этих стенах Христа. Он имел дело с Наполеоном и Фридрихом Великим. Но теперь его охватило какое-то новое ощущение. Он боролся сам с собой, боясь, что вихрь слов, выбрасываемых этим странным человеком, закрутит и его.

Он сам был перед опасностью бреда. Бред наполнил всю комнату. Но, что было страшнее всего, страшнее любой пытки, всех мук больного ума, это — голос.

Голос. Кричащий, воющий, истерический голос, пронзающий воздух во всех концах Европы. Голос, отравляющий прессу.

— Хайль Гитлер! — катилось по улицам.

— Хайль Гитлер! — гремело радио.

— Хайль Гитлер! Хайль Гитлер! Хайль Гитлер!

Доктор Моллер снова поднес пальцы к вискам.

А Браун, нет, не Браун, а Голос, продолжал:

— Мы следуем за нашим флагом. Мы ведем нашу молодежь. Мы не нуждаемся в Боге! Нам не нужно Христа! Нам не нужно папы! Наши ножи — остры. Кровь стекает с наших рук. Ваши женщины!

— Замолчите... Замолчите!

Доктор Моллер разрыдался. Но голос твердил свое. Зловещие слова лились из его горла черным потоком:

— Ваши женщины. Когда нам не нравится то, что они говорят, мы их бьем! Они кричат вот так! — тут изо рта больного раздалось нечто вроде кудахтанья. — Они кричат, как грудные дети. Они...

— Замолчите, безумный!

Доктор Моллер забыл о кнопке на своем письменном столе.

Он забыл свое собственное имя, забыл об истерзанном, несчастном рассудке, который улизнул из-под его влияния. Он помнил только об одном: надо заставить замолчать этот голос.

Пальцы доктора конвульсивно сжались, как ноги паука, оторванные от своего туловища. Он вскочил...

* * *

Прошло несколько минут, прежде чем доктор Моллер оторвался от тела, распростертого на полу.

Он сначала привстал на одно колено, провел рукой по своему окровавленному лицу и сделал попытку собраться с мыслями, понять, что он совершил.

Потом посмотрел на Брауна, на отпечаток своих пальцев на его горле и тут только осознал, что изменил своей присяге.

На стене кабинета висел текст этой присяги, вставленный в рамку.

Доктор был как пьяный; строчки плясали у него перед глазами, но он помнил слова Гиппократова наизусть:

— Я клянусь... Я буду посещать дома для блага больных... чисто и свято буду я применять мое искусство!

Но для Брауна не было места в рамках этого закона.

Он был только символом. Он был только образом и голосом темного изуверства.

Для этого мертвого человека не существовало ни жалости, ни угрызений совести. Они ведь не нужны в аду.

А впрочем, никакого Брауна вообще не существовало.

Возможно, что не было и доктора Моллера.

Доктор чувствовал себя так, как если бы шел по улице и зашел в тупик. Браун был счастливее его — он сумел вовремя найти выход для себя.

У нацистов имеются превосходные способы для того, чтобы замучивать тех, кого они обрекли на смерть. Стоит только гитлеровскому автомобилю подкатить к дверям... эти страшные «мерседесы», черные, как огромные тараканы, уже наводнили Вену, уже расползлись по всем ее улицам.

За ним тоже приедет такой автомобиль. Доктор Моллер сделал несколько шагов на четвереньках, кое-как добрался до своего кресла и, с трудом поднявшись, сел в него. Он был разбит.

Вошел Францель. С минуту он не мог вымолвить ни слова от изумления и испуга, охватившего его при виде разгрома в комнате.

— Святый Боже! Господин доктор! Что вы наделали?

— Закройте двери, Эрих! — крикнул доктор Моллер.

О, если бы только можно было избежать неизбежного!

Францель автоматически повиновался и поднял глаза на своего начальника. Красивое лицо молодого врача было искажено ужасом и страхом — не страхом смерти (он видел худшее, чем смерть), не страхом за себя,

а страхом за человека, который был его учителем и другом.

— Эрих... я должен был сделать это... должен был... он говорил такие вещи, Эрих!.. —

Францель кивнул головой

— Я понимаю, господин доктор.

Он медленно прошелся по кабинету, механически передвинул на свое место стул, который во время борьбы был отброшен в угол, поправил рамку с гиппократовой клятвой на чистой белой стене.

— Я полагаю, что надо позвать полицию? — сказал он.

— Да, — устало сказал доктор Моллер. — Надо! —

— Мы должны сделать что то...

— Да... конечно.

— Но вы ранены, господин доктор?.. Ваше лицо!

— Ничего... ничего!..

Оба они внимательно посмотрели друг на друга. Их глаза говорили то, чего они не могли высказать словами.

Они были мужчины, друзья, коллеги.

Каждый из них знал, что терять времени нельзя.

То, что происходит каждый раз после убийства нациста — именно нациста, неизбежно, как ночь, наступающая после заката солнца.

Затем, так как от его старшего коллеги не раздалось ни одного слова, Францель подошел к столу и дрожащими пальцами взял телефонную книжку.

Эта книжка показалась ему тяжелее могильной плиты.

— Подождите! — неожиданно вдруг воскликнул доктор Моллер, отталкивая его от письменного стола.

— Да, господин доктор?

Францель выронил книгу из рук.

Мозг доктора Моллера начал проясняться. Они уже чересчур охотно взялись вызывать полицию. А между тем, был ведь шанс на спасение.

— Эрих! — сказал доктор, делая несколько шагов к дверям. — Эрих, знаете?.. У Брауна ведь не было родственников?

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно. Это указано в его бумагах! —

— Ну...?

Францель сам не смел еще верить той мысли, которая рождалась в мозгу у них обоих. Он предпочитал ожидать и слушать.

— Эрих, — прерывисто заговорил доктор Моллер. — У меня тоже нет никаких родственников.

— Да, да!.. продолжайте! —

— Браун прибыл сюда один?..

— В сопровождении больничного служителя, который вернулся обратно в Линц.

Доктор Моллер зажег сигарету и глубоко затянулся.

— Вы понимаете меня, Эрих?

— Да. —

Но мысль Моллера показалась ему все-таки чудовищной.

— Господин доктор! Это... это так фантастично...

— Такова и сама жизнь теперь. (Голос доктора Моллера звенел). — И таковы мы сами. Ведь то, что я сделал... этот человек на полу.

Францель кивнул головой. Его взгляд снова упал на Брауна.

— Он не носил очков. А у вас... У вас шрам над глазом. Они могли запомнить это!

— Это можно устроить, — мрачно сказал доктор Моллер.

Он прошел к тому месту, где лежали его упавшие очки, поднял их и надел на лицо мертвеца.

Потом так же быстро схватил свою толстую, узловатую альпийскую палку и описал ею в воздухе дугу. Палка со свистом опустилась на голову мертвеца. Мертвая голова точно дернулась в сторону и мелкие осколки стекла разлетелись по всей комнате.

— Готово, — сказал доктор Моллер, переводя дыхание. — А теперь помогите с костюмом.

Солнце стояло уже высоко, когда доктор Моллер окончил свой туалет. Он натянул шерстяные чулки ручной вязки и зашнуровал тупоносые башмаки. Его пальцы обшарили карманы штанов, обшитых зеленой тесьмой, и смешной тирольской куртки.

Он нашел коробку сигарет, маленькую металлическую пуговку со знаком свастики, похожую на те, что были на куртке, несколько шиллингов, еще не разменянных на марки, и клочок старого билета с дунайского парохода, рейсирующего между Линцем и Веной.

— Эрих, как вы думаете, они будут очень внимательно следить за мной?

— Вряд ли, если вы только не будете слишком много говорить.

— Я знаю, самое главное — акцент Мондзее. Но и это придет со временем. Надо только напрактиковаться. А теперь еще одно...

Доктор сел за стол, приколот лист бумаги штейнгофского госпиталя к документам больного и написал своим — своим крупным почерком:

— Этот пациент был бы немедленно отпущен, если бы он все еще не страдал бредовыми идеями на почве увлечения нацизмом.

С минуту доктор Моллер помедлил. У него перехватило горло. Оставалось дописать еще только одну строчку — этих слов он больше уже никогда не напишет.

Затем перо его вывело:

— Доктор Карл Моллер.

Доктор промокнул написанное и в последний раз выглянул в окно.

Он видел чистые, белые домики, в которых могли отдыхать люди с больными рассудками... он видел серебряные сосны, которые десять лет тому назад посадила Грета, капеллу с ее цветными стеклами, площадку для прогулок и все, что вообще отличало Штейнгоф.

С сухими глазами он отвернулся от этого давно знакомого, дорогого ему места. Теперь ему предстояло заглянуть в страшное будущее. У ног его лежал труп, ставили доктором Моллером .

— Доктор Моллер был старый дурак, Эрих! — сказал он таинственно,

— Господин доктор... пожалуйста!

Францель говорил тихо. Глаза его светились любовью.

— Нет, Эрих! — поправил его доктор. — Я теперь господин Браун. Моя жизнь зависит теперь от вас, вернее, от вашего языка.

ГЛАВА ВТОРАЯ

По ночам Вена была похожа на красивую женщину, неожиданно состарившуюся от ужаса, который принесли с собой завоеватели.

Еще недавно ярко освещенные улицы казались теперь темными провалами, в которых гулко отдавался топот марширующих ног. Веселые, горящие огнями кафе были наводнены грубой пьяной чернью.

Повсюду, где проходили наци, была смерть.

— Писатель Фридель застрелился.

— Канцлер Шушниг заточен в собственном доме.

— Майора Фея и его семью настигли на Рингштрасе подосланные убийцы.

— Известный врач доктор Нобель и его жена покончили с собой, как у них было заранее условлено.

— Президент Миклас давно уже исчез, а сотни сограждан были замучены.

Человек по имени Северин Браун сидел в задней комнате скромного домика на Тейнфальтштрассе, служившего ранее секретным, а теперь официальным штабом штурмовиков.

Он сидел здесь после того, как его привезли из штейнгофского санатория. Тело штейнгофской жертвы было давно уже брошено в грузовик с мусором и его везли сейчас к сосновому лесу в районе Гитцинга, где оно будет выкинуто в яму. Его похоронят ночью при свете фонарей и имя доктора Моллера будет забыто.

Но тонкий, гибкий мозг доктора Моллера останется жив в теле человека, которого зовут Северин Браун.

Благодаря этому новому имени жизнь его должна пойти по новому неизбежному пути.

Он увидел в этом еще один шанс выполнить то, что он считал своим предназначением — убить Гитлера.

Как все это быстро произошло!

Сейчас все это вспоминалось уже, как фильм.

В докторский кабинет в Штейнгофе вошел предводитель отряда штурмовиков и, бросив взгляд на труп, спросил Францеля:

— Так вот он, ваш доктор Моллер? Ну что ж! Мы все равно должны были бы прийти за ним рано или поздно.

Смелый верный Францель! Как хорошо он сыграл свою роль!

Предводитель штурмовиков спросил:

— Что же тут произошло?

— Ах, — сказал Францель, великолепно вздрогнув плечами: — бедный парень недооценил своей физической силы. И когда доктор Моллер неосторожно ото-
звался о фюрере...

— Понятно, — расхохотался штурмовик и этот дик-
кий смех был подхвачен двумя его товарищами. — По-
нятно! Господину Брауну неприятно было слышать
изменнические слова и он расправился с изменником
сам. Не правда ли?

— Да, — совершенно верно! — согласился Фран-
цель. — Но я решил, что будет лишним обращаться к
полиции.

— Вы совершенно правы, господин доктор! —

— Я уверен, что господин Браун не намеревался
причинить ему какой-нибудь вред. Собственно говоря,
он мог бы прекрасно сдержать себя, если бы доктор
Моллер не написал несколько неосторожных слов.

— Он написал? Где?

Доктор Францель взял лист бумаги, который был прикреплен к бумагам Брауна.

— Вот... это!..

— Черт побери, — воскликнул штурмовик. — Я не удивляюсь, что тут нельзя было обойтись без насилия. Для арийца (тут штурмовик бросил презрительный взгляд на труп) ваш доктор Моллер был удивительным дураком. Он был еще глупее, чем его еврейка-жена.

При этих словах Браун закивал головой.

В этом движении был почти энтузиазм. Господи! Как может изменить человека жажда мести!

— Я должен сделать вам письменный доклад? — спросил Францель.

— Доклад?

Предводитель штурмовиков хитро подмигнул.

— Нет, мы не делаем докладов о... скажем.... о маленьких делах.

— А тело?

— Мы уберем эту свинью. Об этом не может быть и разговоров.

— А как относительно госпитального штата? —

Все еще улыбаясь, штурмовик показал Брауну на дверь:

— Мы позаботимся и об этом. Хайль Гитлер! —

— Хайль Гитлер! —

Так было замято дело об убийстве. Просто, по-нацистски.

В ту ночь в маленьком домике кипела жизнь.

Люди в коричневых рубашках входили и выходили разнузданные и пьяные. У многих в руках были золотые и серебряные вещи из разграбленных домов и магазинов.

Повсюду раздавалась знаменитая песня Хорст Весселя:

— Штурмовики, вперед,
Взвейте выше ваш флаг!
Ряды сжимайте тесней,
Равняйте спокойный шаг!

Равняйте спокойный шаг! Какое издевательство!

Эти люди никогда почти не ходили спокойно. Они всегда бежали, и притом за кем-нибудь.

Он много слышал об Отделе Штурмовиков, крошечной армии, созданной капитаном Эрнестом Ремом, чтобы привести Гитлера к власти.

Рем оказался, однако, чересчур честолюбивым и Гитлер уничтожил его. Но партия использовала его идею и ремовцы стали легендарными чудовищами, незаменимыми палачами во всех путчах и погромах.

Северин Браун видел их вблизи.

Однажды, после бесконечного ожидания, он выглянул через загороженное решеткой окно во двор. Он увидел там двух девушек, совершенно обнаженных и распростертых на траве. Их держало с полдюжины сильных рук.

Луна бросала свой свет на эти белые замученные тела. На их коже были пятна от грязи. Но девушки некоторое время лежали тихо. Северин Браун не отвернул глаз от этого зрелища до тех пор, пока в воздухе не блеснули стальные ножи, которые пригвоздили девушек к земле.

Они взмахнули руками, как бабочки крыльями, в предсмертной судороге. Их тела вздрогнули в последний раз, их рты раскрылись, ища воздуха... и последнее их дыханье было унесено шелестящим ветром.

Потом в домик вошли штурмовики и один из них сказал:

— Эти толстые венки ничего не понимают в германской любви!

Несколько минут штурмовики болтали между собой и Браун внимательно прислушивался к их словам, так как тут можно было многое узнать.

Они говорили о нападениях и разбое. О том, скольким людям они «помогли» покончить с собой.

Они рассказывали друг другу о том, как был разграблен дворец барона Людвига Ротшильда и как они наполнили государственные грузовики ценнейшими произведениями искусства на миллионы марок.

Они хвастались воздушным флотом генерала Геринга, двумя сотнями бомбовозов, которые летали над омраченной Веной, как саранча, имея каждый в своем толстом стальном животе по дюжине штурмовиков.

— Скажи, Гельмут, — осклабился один из коричневорубашечников. — Геринг привез своего льва в Империяль-отель?

— Конечно, нет, — засмеялся тот, кого называли Гельмутом. — Он уже послал в лейпцигский Зоологический сад за новым.

— Что? Опять?

— Да, ему пришлось убить еще одного. Лев стал чересчур игривым и откусил кусок розовой щечки фрау Геринг.

Казарма зазвенела от смеха. Браун поражался, как они могут говорить так смело. Он еще не знал, что Геринг и Геббельс допускали шутки о себе. Только неврастенический, охваченный манией величия Гитлер си-

нел от гнева, когда узнавал, что кто-нибудь шутит над ним. Это была страшная мания... мания, проникающая в мозг и в кровь. Бывший доктор был с ней хорошо знаком, он написал о ней ряд докладов.

Штурмовики пили и бражничали до поздней ночи. Сидя один в своем темном углу, Северин Браун мог наблюдать за ними, вслушиваться в их разговоры и запоминать отдельные сцены. Все это должно было объяснить ему нацистскую идеологию.

Он видел теперь, что нацизм был своего рода религией, религией, не допускающей никакой другой.

Доктрина нацизма исключала всякое иное божество, духовное или материальное.

Она построена на массовом психозе, проводимом великим мастером демагогии. Сети этой религии уже раскинуты по всей стране и душат всякое проявление другой идеи, другой жизни.

Когда нацисты захватили Австрию, от них пострадали не только одни евреи. Пострадали католики, протестанты, люди без всяких религиозных убеждений. Пострадали мужчины, женщины и дети, все те, кто до аншлюса мог высказываться как-то против нацистского режима.

Все они были раздавлены.

Страшные щупальца распростерлись над Австрией. Их можно было отрезать, отрубать, но вскоре бы отрастали новые.

И в конце концов эти щупальца распространятся по всей Европе; для этого нужно только, чтобы оставался живым их мозг. Этот мозг уже покинул враждебную ему Вену, он укрывается теперь в Берлине.

Значит, надо отправиться в Берлин и там уничтожить этот мозг.

В этот первый период своего погружения в тайны нацизма, Браун почувствовал также сомнения относительно Францеля.

От Францеля теперь зависела жизнь Северина Брауна.

Браун напряженно припоминал все отдельные моменты своих отношений с Францелем. Особенно важны были те последние моменты в Штейнгофе.

Теперь все казалось особенно значительным.

Он вспомнил чисто нацистские словечки, часто срывавшиеся с уст Францеля, привычку часто повторять «Хайль», ту легкость, с которой молодой врач разговаривал тогда с предводителем штурмовиков.

Со стороны Францеля Браун теперь не мог уже ожидать помощи ни в каком случае. Он вообще не сможет уже больше никогда смотреть в лицо Францелю.

Францель — какая ужасная мысль — может быть, уже скоро сам подчинится нацистской морали. Может быть, он уже подчинился ей?

— Проклятие! — вдруг громко воскликнул он. — И вы, и вы, Эрих, не смогли бороться с наци?

— Вы что-то сказали, господин Браун?

Этот голос неожиданно напомнил ему все.

Браун оглянулся и увидел перед собой лицо молодого чернорубашечника с сильными, выпирающими вперед челюстями.

— Хайль Гитлер! — быстро откликнулся Браун, вскакивая на ноги.

— Хайль Гитлер!

Северин Браун внимательно оглядел штурмовика...

Человек этот был одет в твердые, точно накрахмаленные рейтузы, черную рубашку и блестящие черные сапоги.

На его плечах поблескивали маленькие металлические звездочки и дубовые листья. Из-под верхней черной рубашки выглядывали белая сорочка и галстук.

Браун знал, что этот молодой человек принадлежит к Шутцштраффелю — элите чернорубашечников, находившихся в личном распоряжении Гитлера.

— Вы убили человека? — спросил штурмовик.

— Дурака-доктора, который сказал...

— Да, да!.. Но у нас найдется место для вас, — продолжал штурмовик.

Браун насторожился. Десяток мыслей пронзил его мозг.

— Какое место имел в виду для него молодой человек?

Может быть, Дахау, страшный концентрационный лагерь, начальник которого Эрпсмюллер сказал однажды:

— Помните, что это не люди, а свиньи. Чем больше мы их расстреливаем, тем меньше придется тратить на их прокорм.

Или Лихтенбургский лагерь, где у одного мюнхенского адвоката медленно выкручивали из суставов руки и ноги.

Или Захсенбургский, где каждая камера снабжена петлей на случай, если какой-нибудь арестованный вздумает повеситься.

Или, может быть, здесь крылся намек на те дикие лесные чащи, где людей заколачивали на смерть дубинами, а затем сваливали в яму.

— Вам бы, конечно, хотелось уехать из Вены? — продолжал чернорубашечник.

— Вена для меня теперь неудобна.

Ему было фактически все равно, куда бы ни ехать. Лишь бы только видеть над собой небо и солнце до того дня, пока он не свершит свою месть.

— Хорошо. Вы выедете в Мюнхен через пятнадцать минут!

А! Пятнадцатиминутная отсрочка. Для чего?

Небо было еще покрыто черными ночными облаками, когда Северин Браун отправлялся навстречу неизвестному.

За эти несколько напряженных часов он пережил бесконечную жизнь. Картины одна другой мрачнее теснились в его мозгу, сменяясь, как кадры в фильме.

Визжащий «мерседес»... стрельба среди ночи... прямые, точно замороженные фигуры часовых, напоминавшие зловещих воронов над пропастью... и мирные альпийские деревни, в которых жили веселые дети гор с такими еще розовыми щеками.

Северин Браун никогда еще не видел гитлеровских автострад.

При переезде через границу в Зальцбурге он увидел эти чудо-дороги, выстроенные из пота и проклятий сотен тысяч людей.

Эти бесконечные дороги пересекали истерзанную германскую землю, как бинты, не закрывая, однако, всех ее ран.

Городов и деревень по пути попадалось мало и движение по этим дорогам можно было развивать до бешеной скорости.

Рано, рано утром они проезжали мимо одного места, которое обратило на себя внимание чернорубашечников. Несмотря на то, что еще было почти темно, можно было различить поднимавшийся к небу тонкий дымок и мелькавшие вдали огни.

— Это одна из тайных воздушных баз Великой Германии, — с гордостью сказал спутник Брауна, сидевший рядом с ним.

— Зиг хайль! — автоматически ответил Браун, как должен делать в таких случаях всякий благонадежный немец.

— Зиг хайль! — подхватили хором остальные.

— Фюрер все время строит, — сказал другой конвоир.

В глазах его промелькнуло горькое выражение, но остальные черты лица дышали профессиональной гордостью.

— Да, строительство! — подумал Браун. — Строительство на телах замученных людей. Строительство во имя войны и смерти, а население мерзнет в одежде военного времени, ест хлеб военного времени, живет в домах военного времени.

Но ничего этого Северин Браун не высказал. Вслух он воскликнул:

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! — ответили чернорубашечники особенными, звенящими голосами. Он тоже должен научиться говорить так.

Рычащий автомобиль быстро спустился с холмов и огни воздушной базы быстро погасли вдаль.

Северин Браун вспомнил о них снова много позже, когда ему сказали, что вся страна усеяна такими базами, незаметными с высоты, недоступными со стороны дорог. И каждый из этих скрытых ангаров поглощал все новые и новые аэропланы, которые тысячами выбрасывали заводы Германии.

Гитлер ждал своего Великого Дня.

Северин Браун также ожидал своего Дня.

Мерный шум «мерседеса» в конце концов убаюкал натянутые нервы и, когда машина подъезжала к Мюнхену, Браун тихо дремал.

Черноногая машина проскользнула по тихим еще улицам и остановилась у большого особняка.

Три штурмовика быстро распахнули дверцы автомобиля и, выскочив еще на ходу, взбежали по ступенькам лестницы не оглядываясь. Это кошачье движение было изобретением Муссолини и имело целью защиту от возможных нападений злоумышленников.

Оно было также типичным для нацистов, которые всегда так торопились, точно кто-то гнался за ними по пятам.

Через минуту один из штурмовиков вернулся и кивнул Брауну. Тот вышел из машины, расправил затекшие члены и поднялся по широким ступенькам лестницы.

У сводчатой двери его встретил здоровый, краснолицый штурмовик, которого он раньше не встречал. Рука нациста поднялась в стереотипном приветствии:

— Хайль Гитлер! —

— Хайль Гитлер! — пролаял Браун.

Дом, куда его привезли, был первым штабом нацистов. Гитлер получил его в подарок от своих богатых единомышленников.

В этом доме были намечены первые «чистки», были приговорены первые жертвы.

Штурмовик сказал Брауну:

— Добро пожаловать! —

Добро пожаловать... Но куда? зачем?

Какая-то страшная тайна, пронизанная запахом смерти, наполняла весь этот дом.

Затем штурмовик ввел Брауна в комнату с мрачными, коричневыми стенами и низким бревенчатым потолком и указал ему за стол.

За другим столом, немного дальше, сидело около десятка других штурмовиков, но ни один из них не выказал никакого интереса к Брауну.

Они разговаривали между собой тихо, как заговорщики.

Северину Брауну показалось вдруг, что стены надвигаются на него и вот-вот раздавят.

Здесь было так пусто, несмотря на многолюдность, так холодно!

Даже стыдливый луч света, проникавший через окно в сердце этого мрачного дома, казался холодным.

Вошел слуга с несколькими бутылками пива. На столе зазвенели кружки.

Северин Браун отпил глоток, чтобы утолить жажду, и был доволен, когда штурмовик, оттерев усы, встал со стула.

— Автомобиль ожидает вас, — сказал он.

— Автомобиль? — эхом откликнулся Браун.

— Да, — ответил штурмовик. — Вам ведь надо ехать дальше!

У него не хватило мужества спросить, куда именно.

Молча прошел он через распахнувшиеся перед ним двери, так же молча вошел в машину и занял свое место. Сейчас же рядом с ним прыгнули в машину конвоиры и «мерседес» с воем полетел дальше.

Мчались сначала по главным улицам, потом мимо церкви Богоматери с ее круглыми башнями, через средневековую площадь Марии. Затем повернули в узкую боковую улочку, задержались на момент перед пивной, в которой пятнадцать лет тому назад Адольф Гитлер замыслил свой кровавый путч.

Чернорубашечники сорвали шапки и с какой-то особой теплотой произнесли «Хайль».

Северин Браун также отсалютовал.

Главный герой этого путча был в его представлении далеко не героем: перед взором Брауна встал человек с дикими, испуганными глазами, со смешными маленькими усиками, согнувшийся в три погибели и бежавший по этим самым улицам с рукой, простреленной пулей.

Пуля в руке Гитлера!

— Боже мой, — подумал Браун, — почему она не попала ему в голову?

Рессоры мягко подпрыгнули еще несколько раз и скоро старый Мюнхен остался позади.

В течение остального дня перед путниками бесконечно развертывалась скучная белая дорога.

Час за часом выливалась из-под поющих шин длинная бетонная полоса.

Обогнули Нюрнберг, где каждый год устраивался нацистский конгресс.

Когда-то в молодости доктор Мюллер был в этом городе. Он посетил старинный замок и видел страшные орудия пытки, которыми тот славился.

Но нацисты перецеголяли предков: они могли их поучить своему искусству.

Дальше по автострате, через шелестящий, зеленый Франконский лес. Здесь дорога шла так высоко, что с нее были видны крыши домов Грейца, Шлейца и Геры, расстилавшихся внизу.

Наконец, к закату, горы стали сменяться равниной и вечером перед путниками засверкали вдали в тумане огни большого города.

Северин Браун знал, что это Берлин. Он знал, что его привезут сюда, когда они проезжали еще мимо других городов.

Орангенбург остался далеко позади — значит, его везут не в концентрационный лагерь. Оставался только один пункт назначения, «Берлин», но зачем его решили привезти сюда — было загадкой, которую Северин Браун не мог разрешить.

Было уже темно, когда «мерседес», пролетев по Авиевой лороге, проскочил через восточные ворота столицы и оттуда помчался по Принц-Регент-штрассе к центру города.

Тут шофер остановился перед высоким зданием из красного кирпича.

Теперь чернорубашечники держались уже иначе. В них как произошла какая-то перемена, их речи стали звучать воинственнее, в манерах стало больше наглости, в глазах появилось выражение власти. Чувствовалось, что они здесь у себя дома.

Северину Брауну стало вдруг страшно.

Здесь пульс нацизма бился со всей своей силой.

Штурмовики провели своего гостя во внутрь дома и, не задерживаясь в слабо освещенном вестибюле, поднялись по витой каменной лестнице во второй этаж.

Затем, через скрипящую дверь с левой стороны лестницы, они вошли в узкий коридор и остановились посередине.

— Вот ваша комната! — сказал один из конвоиров, показывая на комнату направо.

— Простите, — спросил Браун, не будучи уже в силах сдержать своего беспокойства. — Не будете ли вы так добры сообщить мне, почему я здесь?

— Ах вот как, — засмеялся один из штурмовиков. — Вы думаете, что у вас есть какое-то право спрашивать?

— Конечно. Я послужил моей стране. Я — не свинья. Я хочу быть около моего Фюрера! —

— Не так-то скоро, господин Браун, — нахмурился штурмовик. — Не так-то скоро! Вы нам, конечно, понадобятся и, когда потребуется, вам все скажут. Вы узнаете тогда, что значит убивать.

— Или, — заметил Браун, — быть расстрелянным самому?

— Осторожнее, — оборвал его нацист, снижая голос почти до шепота. — Вы слишком много разговариваете.

Браун коротко поклонился:

— Простите! —

— Хорошо. В шесть часов утра вы услышите звонок. Будьте готовы к этому времени. Вас позовут. Хайль Гитлер! —

Чернорубашечник круто повернулся на каблуках и Браун остался один.

В этой комнате с высоким потолком и ослепительно белыми стенами его вдруг охватила невыразимая тоска.

Он никак не мог разгадать этой психологической загадки.

Обычно во всех нацистских процессах людей казнили без промедления. Почему же его привезли сюда?

Или это странное заключение было новой формой казни? Или они хотят вызнать его мысли и посадили сюда для того, чтобы незаметно следить за ним? Или, наконец, его просто охватывает мания подозрительности — результат чтения нацистских книг, повлиявших на мозг... чей мозг?.. Доктора Моллера или крестьянина Северина Брауна из Мондзее?

Северин Браун бросился в постель. Но спать он не мог. Немного времени спустя он встал и подошел к окну, выходившему на большой, ярко освещенный двор. Высунувшись из окна, он увидел, что в том корпусе, где была его комната, окна не имели решеток, тогда как в боковом корпусе все окна были исполосованы железными прутьями.

Свет со двора падал на эти окна и в них можно было различить изможденные лица. Они то появлялись, то исчезали. — Что это были за люди? По коридору раздался стук сапог... и гулкое «Хайль» прокатилось под сводами здания.

Браун отошел от окна, осторожно прошел через всю комнату и слегка приоткрыл дверь в коридор.

Чернорубашечники мерно вышагивали вдоль коридора. У некоторых в руках были длинные бичи.

Со стороны двора слышался какой-то странный шум.

Северин Браун снова подошел к окну и заметил, что бледные лица исчезли из-за решеток.

Через минуту, однако, внешняя дверь бокового корпуса широко открылась и во двор высыпала толпа мужчин и женщин.

Некоторые из них шли спотыкаясь, некоторые падали, но их тут же поднимали щелкающие бичи.

Воздух наполняли мольбы и проклятия.

Одна женщина, с которой удар бича сорвал платье, ломала худые, морщинистые руки, извиваясь, как раненая кошка.

— Нет, нет, — рыдала она. — Я не сделала ничего дурного!

Штурмовики захохотали.

— Ты ничего не сделала? А ты не смеялась, когда фюрер говорил по радио?

— Я не смеялась, — продолжала рыдать женщина. — И притом мы были совершенно одни, только я и моя дочь. Она знала, что у меня нет на уме ничего дурного.

Штурмовик снова осклабился и снова в воздухе просвистел бич.

— Да, твоя дочь, верная рабочая девушка... Для нее фюрер дороже тебя.

Женщина сразу умолкла, а штурмовик отошел прочь.

Кому охота бить бабу, которая уже больше не визжит?

Северин Браун взглянул еще раз вниз, на этот кишащий замученными человеческими существами двор, и его пальцы вдруг скрючились и впились в камень подоконника.

То, что он видел, было страшно, нет, даже не страшно, а просто не укладывалось в его мозгу.

Была ли это действительность или только сон, сон истерзанного ума?

Эти люди, распростертые на каменном дворе... И тут же другие люди, свистящие бичи... холодная, почти деловитая жестокость!

Затем штурмовики выгнали арестантов через ворота и растолкали их по грузовикам, которые с оглушительным ревом исчезли в сумраке ночи.

Северин Браун лег в постель. Он чувствовал, что у него ноет не только мозг, но и все тело.

В том склепе, где у него когда-то хранилось сердце теперь ощущалась ноющая пустота, несмотря на мерный стук молоточков в крови.

Он чувствовал, что уже может понимать иммунитет штурмовиков: для этого нужно было только постепенно приучить себя к ненависти и злобе, которая противопоставлялась теперь жалости и вообще любому гуманному чувству.

Он не узнавал прежних симпатичных, вежливых немцев. Эти люди жили в постоянной духовной зависимости от Гитлера, Геббельса и Геринга и это замораживало их кровь.

И с ним произойдет то же самое.

Раньше он, бывало, говорил своим пациентам:

— Вы будете тем, чем вы хотите быть. Вы можете быть счастливы, если у вас на это есть достаточно воли.

Это была грубейшая форма психологического воздействия, но с умами недостаточно сильными она творит чудеса.

А теперь он видел нацию под таким массовым гипнозом, и люди, подвергающиеся этому гипнозу, слепо выполняют волю Голоса.

Если бы Гитлер сказал вдруг всей нации, что черное стало белым, ему бы поверили. Он уже ведь научил ее новым нацистским добродетелям — грабежу, убийству и насилию.

Он объявил незаконную любовь легальной при условии, чтобы счастливые любовники поставляли детей для штурмовых отрядов.

Он проповедовал германцам, что «не Бога, кроме Гитлера» и что Христос был «корень всех зол», что земли могут править только сила и оружие.

Северин Браун продолжал лежать, глядя в потолок, с рассветом ставший светло-серым.

Ровно в шесть по всей каменной крепости прозвучал звук гонга.

Северин Браун выпрямился и стал протирать глаза. Ему показалось, что с наступлением утра он немного задремал.

Он еще умывал свое щетинистое лицо перед ручной мойкой, когда железная дверь широко открылась и вошел молодой чернорубашечник.

— Хайль Гитлер! —

— Хайль Гитлер! — эхом отозвался Браун.

— Поторопитесь, — сказал молодой человек. — Вы опоздаете.

Этот мрачный юмор вызвал на губах Брауна подобие улыбки.

Куда он опоздает? На свою собственную казнь? Не это ли хочет сказать молодой человек?

Он быстро вытер мокрые щеки скомканным носовым платком и откинул назад непричесанные волосы:

— Я готов! —

— Сюда, — грубо сказал юноша. — Начальник участка Халлер ожидает. —

Они пошли по длинному коридору и их каблуки производили тяжелый, пустой звук, отдаваясь на каменном полу.

Они спустились с лестницы, на нижней площадке которой сгрудилось множество чернорубашечников — толпа их беспрерывно врывалась через высокие сводчатые двери; потом юноша повернул в узкий коридорчик и открыл дверь какой-то комнаты.

Браун вошел в комнату, дверь за ним тотчас же захлопнулась и ему показалось, что он остался один.

Однако некоторое время спустя после того, как он осмотрелся в этой огромной, светлой, лишенной почти всякой обстановки комнате, хлопнула вторая дверь и вошел огромного роста чернорубашечник с мрачным, мертвым взглядом.

Человек был весь увешан лентами и медалями. На лице его красовалась печать Пруссии — несколько перекрещенных сабельных рубцов .

Северин Браун как-то инстинктивно щелкнул каблуками.

— Хайль Гитлер! — произнес он. Он быстро научился произносить это приветствие особенным, лающим тоном.

— Хайль Гитлер! — ответил начальник, не поднимая руки в ответ. — Садитесь. —

Он указал Брауну на простой сосновый стул, стоявший у стены. Браун сел, чувствуя, что на лбу у него выступает холодный пот.

— Северин Браун! — прямо приступил к делу господин Халлер. — Вы задушили в Вене доктора Карла Моллера?

— Я бы снова убил его, — быстро ответил Браун, привставая. — Хайль Гитлер! —

— Значит, вам нравится убивать? — спросил начальник.

— Я буду опять убивать.

— Очень хорошо. Вам может представиться этот случай снова.

— Вы хотите сказать?

Тут Северин Браун почувствовал, что язык у него начинает распухать, а желудок поднимается к самому горлу.

Что за чудовищные планы на его счет были у этого человека? Почему он играет с ним? Он определенно играет. И все же...

— Послушайте, Северин Браун, — твердо продолжал начальник. — Нам нужны такие люди, как вы. Люди, которые не боятся убийства. Мы знаем всю вашу подноготную.

Халлер наклонил голову над столом и расширившиеся глаза Брауна увидели знакомый документ.

Это был доклад линцского госпиталя.

Святой Боже — эти чернорубашечники умеют докопаться до всего.

Теперь Браун ломал себе голову над тем, что еще они могли знать о его прошлом, о том прошлом, которое не было известно ему самому.

— Вы уже продемонстрировали способность ваших рук, — продолжал начальник с деланной улыбкой. — Что еще вы умеете?

— Что именно вам угодно? —

— Вы умеете стрелять?

— Из винтовки умею.

— Вы умеете обращаться с кинжалом?

— Да, — ответил Браун, помедлив. Он не владел кинжалом, но решил, что напрактиковаться в этом — дело нетрудное.

— Очень хорошо, — кивнул головой начальник. — Мы можем найти для вас место в особом отделе Тайной службы.

— Ах вот что, — невольно выдохнул Браун.

Начальник просиял.

— Вы, конечно, слышали о наших талантливых юношах? —

— Кто о них не слышал? —

— Вам очень посчастливилось, — полушепотом произнес Халлер. — Вы можете попасть в нашу маленькую группу. —

И, осмотрев внимательно Брауна еще раз, с головы до ног, добавил:

— Несмотря на ваш возраст. —

Браун слегка вздрогнул, что несколько удивило начальника. Он еще не разу не видел рекрута, на которого подобный разговор производил бы такое сильное впечатление.

— Я готов рисковать своей жизнью, — откликнулся Браун, — для того только, что бы быть ближе к Фюреру.

— А вам иногда придется рисковать жизнью, — важно сказал начальник. — Охранник всегда должен находиться между фюрером и теми, кто покушается на его жизнь. Покушений было уже много и, если бы его телохранитель не был достаточно быстр и ловок...

Великий Боже! Сотни людей защищают жизнь фюрера и только один действительно защищает по-настоящему его жизнь.

Начальник повернулся и снова взглянул на двери:

— Возвращайтесь назад, — резко сказал он. — И ожидайте дальнейших приказаний!

— Меня могут принять сегодня же? — с надеждой произнес Браун.

— Возможно. Мы испробуем сначала, как вы стреляете. А там посмотрим. Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! —

Северин Браун медленно поднялся назад к себе во второй этаж.

Так вот почему он им понадобился! Потому что он убил человека.

Его поставили в разряд профессиональных убийц, из него сделали профессионала, для которого чужая жизнь не дороже булыжника.

— Хайль Гитлер! —

И в Берлин его привезли именно потому, что здесь у него не было ни одной знакомой души, ни одного знакомого лица, которое как-то могло бы повлиять на него, согреть его, для того, чтобы здесь он мог убивать совершенно хладнокровно.

Это был старый нацистский трюк. Они никогда не пускали людей в те места, где им приходилось бы разрушать и грабить свои собственные дома, свои собственные родные места. Штурмовиков постоянно перебрасывали с места на место и ни один из них никогда не мог бы прочесть слова упрека в глазах бывшего сородича или соседа.

Таким образом, чувства сами собой исключались из нацистского кодекса.

Итак — его, Брауна, предназначали к тому, чтобы убивать людей.

Прекрасно: они это хотят — они это получают.

Северин Браун будет убивать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ум Северина Брауна быстро окунулся до самого дна в новую нацистскую культуру.

Погружение это было настолько глубоко и настолько резко, что не допускало и тени какой-то жалости, ужаса или стыда.

Вместо псалмов здесь слышался только ружейный треск. Вместо молитвы — были мольбы обреченных людей.

А самым главным в этой черной мессе были острые, режущие слова:

— На изготовку! Целься! Пли!

Все это началось на следующее же утро, после прибытия Брауна в казармы, где он был разбужен в пять часов утра резким стуком в железную дверь.

Он быстро оделся, как ему было приказано, натянул на себя новую черную рубашку, твердые, словно накрахмаленные штаны, блестящие сапоги.

Все это показалось ему так просто и естественно.

Вчера еще он был арестованным, который самым фактом своего существования вредил государству, сегодня — спасенным под сенью того самого темного плаща, который он так боялся и презирал.

Затем он выпрыгнул из комнаты и в течение нескольких холодных и бесстрастных минут стоял так, ожидая, пока в коридор вошла шеренга людей в таких же черных рубашках. Их было всего двенадцать человек и двое из них были такие же новички, как он сам, тихие и молчаливые.

— Ну, как дела, новичок? — сказал ему кто-то из этих людей. — Кофе еще не перелилось через край?

— Ни капельки, — быстро ответил он.

Но возможно, что это было еще впереди.

В самом деле, как можно считать убийство каким-то патриотическим праздником, когда все эти убитые могли быть старыми знакомыми людьми, говорившими на том же самом немецком языке, людьми, которые еще так недавно весело пели и смеялись на родной германской земле; людьми, которые не просили ничего, кроме права говорить и думать так, как это им захочется.

Небо было сплошь серое. Дул мокрый ветер, когда команда расселась по неизбежным «мерседесам» и отправилась к месту назначения.

Они проехали несколько миль по тихому еще городу, переехали западную границу его и оказались в предместье.

Это был Лихтерфельде; Браун слабо помнил это место.

Здесь несколько десятков лет тому назад Германия подготавливала кадры офицеров для своей армии: детский корпус, существовавший в те времена, был гордостью страны.

Теперь залы корпуса давным-давно покрылись грязью, а его учебные плацы служили бойнями, на которых предавались смерти свои же германцы.

Было еще холодно, когда отряд чернорубашечников въехал в массивные ворота. Люди быстро выскочили из автомобилей и быстрым шагом прошли через покрытый еще утренней росой двор. Тут каждый занял свой пост, а адъютант, принесший оружие, обратился к ним с обычным приветствием:

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! — выкрикнуло двенадцать глоток.

— Я даю каждому из вас ружье, — продолжал адъютант. — Но только одиннадцать из них заряжено. Один из вас будет стрелять холостыми патронами.

Губы Северина Брауна слегка изогнулись в усмешке.

Зачем пытаться обманывать чью-то совесть перед уже раскрытыми бесчисленными могилами?

— После каждого залпа вам будут выдаваться новые ружья, — продолжал адъютант. — Вы будете молчать. Вы будете стрелять по команде. Вы будете целиться в сердце или в голову!

— Было бы жалко, — добавил он с легким маленьким смешком, — не попасть в нужную точку.

Так поднялся черный занавес спектакля смерти.

Мишени вышли из ближайшей двери. Эти бледные, изможденные существа машинально выходили одно за другим, как привидения.

— На изготовку!

— Целься!

— Пли!

Мишени как скошенные повалились на землю, словно это была мягкая подушка, на которой они могли наконец-то отдохнуть от своих страданий.

— На изготовку! Целься! Пли!

Некоторые из жертв пробовали в последнюю минуту жизни проклинать фюрера, но очередная пуля быстро прекращала эти проклятия.

— На изготовку! Целься! Пли!

Горячий красный ручеек медленно катился по земле.

Свежий, сырой запах крови уже чувствовался в воздухе. Он дошел до мозга Северина Брауна, охватил этот уже больной мозг и, закружившись вокруг него, завладел им целиком.

Северин Браун почувствовал, что ненавидит уже этих дрожащих, напуганных людей, стоящих под дулом его ружья.

Они могли быть врагами Рейха на самом деле. Почему нет?

Их немигающие от страха глаза были целью. Целью были скорбные рты. Долой все это!

Человек, стоящий около, отдает приказ. Дуло ружья существует для того, чтобы убивать.

— На изготовку! Целься! Пли!

После каждого залпа тела убитых стаскивались в одну кучу и потом бросались в один огромный костер.

Тяжелый удушливый запах горелого человеческого мяса висел над Лихтерфельде, как дыхание чумы, и напуганные жители предместья закрывали окна и сердца для того, чтобы не чувствовать этого запаха, не слышать гула выстрелов.

А когда все было окончено, чернорубашечники рассыпали золу от этих смешавшихся тел по ящикам, которые были потом разосланы по осиротевшим домам.

Но не всегда эти процедуры проходили гладко.

В то утро, когда Северин Браун впервые надел свою черную рубашку, произошел казус, весьма характерный для нацистского стиля работы.

Браун только что опустил дуло ружья после произведенного выстрела, как у ворот раздался резкий визг остановившегося «мерседеса».

С переднего сиденья машины прыгнул человек с коротко подстриженными усами и побежал к плацу. Когда он отдавал салют адъютанту, все его медали зазвенели.

— У вас есть в списке человек по имени Вильгельм Шталь? — резко спросил прибывший.

— Одну минуту, господин знаменосец! — сказал адъютант, нервно проводя по листу. — Да, есть. Но...

— В чем заключалось его преступление? — нетерпеливо продолжал знаменосец.

— Он... он пересылал за границу деньги... Он вполне заслужил свою кару.

— Кару? Вы хотите сказать?

— Да, — пожал плечами адъютант. — Он был расстрелян час тому назад.

Лицо знаменосца покрылось багровым румянцем.

— Ах, Боже мой! — воскликнул он. — Какая ужасная неприятность!

— Но человек этот был осужден к расстрелу вчера ночью. Я был на суде. Он был виновен.

— Он имел защитника?

Лицо адъютанта исказилось недовольной гримасой.

— Но... но, господин знаменосец, вы ведь знаете, как происходят эти суды?

Это прибывший знал.

— Да, да, конечно. Но неужели сам Шталь ничего не сказал в свою защиту?

— Черт побери! Ему было приказано замолчать. Генерал Геринг приказал вывести его.

— Генерал?

— Да, он был судьей. Но, господин знаменосец... Я не понимаю... Разве тут есть какая-нибудь ошибка?

— Есть, — горестно воскликнул офицер. — Вы расстреляли не того Шталя.

— Господи!

— И это очень жаль. Он был прекрасным партийцем!

Адъютант снял фуражку, вытер козырек, потом снова надел ее.

— Хорошо. Что же мы будем делать?

— У вас остался прах?

— Конечно!

— Нужно сделать что-нибудь для семьи убитого. Я придумал. Вместо того, чтобы посылать прах по почте, кто-нибудь отвезет его лично с официальным выражением нашего сожаления.

— А как насчет цветов? — улыбнулся адъютант.

— Цветы обязательно надо!

Оба офицера перемигнулись, а чернорубашечники захохотали; некоторое время они хохотали так, что у многих слезы выступили на глазах.

И сам Северин Браун также хохотал, как будто дело шло о каком-нибудь маленьком неуклюжем жесте, о штанах, упавших посреди улицы или о человеке, свалившемся в лужу в праздничной одежде.

Он смеялся даже громче других над этим бедным Вильгельмом Шталем, который был расстрелян по ошибке.

Он так трясся от смеха, что адъютант окликнул его и приказал:

— Вы возьмете прах, отвезете его доброй женщине и передадите ей, что мы очень сожалеем о случившемся.

— Да, — осклабился один из штурмовиков. — А крематорий представит ей потом счет за двух расстрелянных.

— Я скажу ей все, что надо, — сказал Браун. — И я уже позабочусь о цветах.

Потом Северина Брауна с золой в картонной коробке отвезли на квартиру покойного Вильгельма Штала.

Это дало ему возможность заглянуть глубоко в глаза Германии и то, что он увидел в этих глазах, было страшно, полно скорби и затаенного гнева.

Он заранее заготовил маленькую речь. Он собирался потом рассказать обо всем этом в казарме и посмеяться опять со своими новыми товарищами.

Но разве можно разговаривать с женщиной в трауре, взгляд которой исполнен жалости и презрения, от которой идет такая струя волны ненависти, что кровь стынет в жилах?

Оказавшись лицом к лицу с этой женщиной, он почувствовал себя ослабевшим прежде, чем она вырвала у него из рук цветы и швырнула их ему в лицо.

Бледный, спотыкаясь, он сбежал по лестнице вниз и почти упал в автомобиль, а г-жа Шталь начала истерически кричать.

Отъехав на некоторое расстояние, он пришел в себя и смог собраться с мыслями.

Постепенно он успокоился, уговорив себя не беспокоиться попусту.

Что-то глубоко в нем как будто отмерло и с этим отмерло и беспокойство, связанное с гибелью Шталя.

Вильгельм Шталь был, конечно, просто дураком, которому здорово не повезло... И потому самое лучшее для него было, конечно, умереть...

Его расстреляли... Так ему и надо. Его, конечно, убила пуля Северина Брауна.

Но, конечно, он приехал в Берлин вовсе не затем, чтобы убивать Вильгельмов Шталей. Тут было что-то, что-то весьма значительное.

Да, — убить Гитлера! Гитлер ведь создатель всего этого... убить надо Гитлера!

Солнце уже просунуло свои тонкие красноватые пальцы в узкие стекла окна казарменной комнаты, когда проснулся Северин Браун.

Он вернулся домой — теперь это был его дом — несколько часов тому назад. Адъютант, по возвращении, дал всему отряду отпуск на целый день.

Северин Браун сразу же отправился спать. Он ощущал страшную усталость, она проникала буквально во все поры его существа.

Браун знал теперь только одно: он безудержно шагает к пропасти, в которую ему рано или поздно придется прыгнуть.

Он чувствовал, что сколько бы он ни притворялся, сколько бы он ни старался играть свою роль, настанет день — и это будет очень скоро, когда нацистская болезнь распространится и на него, и тогда он станет таким же бездушным автоматом, как и его товарищи.

Иначе быть не может.

Ни один сколько-нибудь чувствительный мозг не может выносить бесконечно таких испытаний.

Если бы только поскорее настал заветный день!...

Но пока предстояло пережить еще завтра и много последующих завтр.

Ему придется расстреливать еще не один раз.

Ему придется убивать мужчин и женщин в их собственных домах.

Ему придется сжигать книги, грабить магазины, шпионить за своими товарищами, захватывать имущество.

Ему придется выискивать на улицах гомосексуалистов, людей, ненужных обществу, потому что они не производят потомства.

Ему будут приказывать доносить о том, что говорят обыватели, вынюхивая измену. Его заставят участво-

вать в погромах и путчах и всех других преступлениях, совершаемых агентами Тайной службы.

Их начальник Гиммлер заповедал им:

— Можете убивать любого, кто говорит обидные для нас речи, и не бойтесь никакого взыскания.

Он должен проделывать все это. Он должен исполнять все без малейшего уклонения от приказа, так как его могут выследить, прочесть правду в движении его глаз, в изгибе его губ.

И тогда в один прекрасный день его отвезут опять в Лихтерфельде и, как всегда, у отряда будет одиннадцать заряженных ружей, а одно с холостым патроном.

А адъютант перед тем, как отдать последнюю команду, скажет:

— Хороший парень был этот Браун, но он совершил проступок. Ну что ж!..

Браун думал только о том, сможет ли он встретить смерть без страха и достаточно ли крови осталось в его жилах для того, чтобы спокойно все это перенести.

Северин Браун взглянул на часы.

Было пять.

Он встал с койки, оделся, подошел к окну, в которое вливался вечерний воздух.

Посмотрел в зеркало; остался доволен своим отражением. Теперь он — чернорубашечник. В конце концов, не так уж плохо быть чернорубашечником.

Будучи чернорубашечником, вы можете спокойно разгуливать по улицам, и все встречные будут вам улыбаться. Они будут улыбаться вам до тех пор, пока вы не обернетесь к ним спиной...

Они ведь не могут знать о том, что этот чернорубашечник — их друг... Он никогда не сможет никому рассказать, что сегодня, после возвращения с плаца, где он убил дюжину людей, у него была страшнейшая рвота.

Но этого нельзя себе позволять. У Северина Брауна больше не может быть рвоты.

Теперь он был окончательно посвящен... Конечно, чернорубашечников специально тренируют таким образом, чтобы выкорчевать у них всю душу. В этом отношении они не похожи ни на солдат Рейхсвера, ни вообще на каких бы то ни было солдат. Солдатам ведь когда-то приказывали вытаскивать из горящих домов еврейских женщин. Их дисциплина была дисциплиной слабых.

Люди в коричневых и в черных рубашках должны быть сделаны из совершенно другого материала. Их набрали отовсюду, — с ферм, из магазинов, из контор. Им открыли красоту и сладость власти, им дали оружие, внушающее другим ужас: «Хайль Гитлер!»

— Боже мой! Боже мой! — неожиданно воскликнул Северян Браун. — О чем это я думаю?

И тут же тайный голос прошептал ему:

— Теперь ты наци... наци!..

Северин Браун подошел к окну и стал жадно глотать воздух.

Тут он, однако, сообразил, что стоит перед окном казармы и что внизу под окном толпятся чернорубашечники, которые входят и выходят из огромного здания как потоки крови, пульсирующей в организме.

Он отошел от окна и поторопился выйти на улицу.

Он шел быстрым твердым шагом,

В течение нескольких часов шагал он по широким улицам. Он увидел много интересного... например, вывески некоторых магазинов на Фридрихштрассе, вроде:

— Теперь — арийское предприятие.

Каждый покупатель должен был заключить из этого, что теперь евреи не имеют никакого отношения к данному магазину и что в нем, значит, можно спокойно покупать.

Он видел некогда красивую Вильгельмплац, на которой нацисты вырубili все деревья для того, чтобы народ мог любоваться фюрером в то время, когда он произносит свои речи с балкона старого канцлерства.

Он видел витрины книжных лавок, заваленные книгами с надписью:

Адольф Гитлер — «Моя борьба».

Теперь это была самая ходкая книга.

Эта нацистская книга буквально царила у всех книгопродавцев, которые украшали ее рамкой из лавровых листьев и всячески расхваливали своим покупателям.

— Вполне понятно, — подумал Северин Браун, — что эта книга имеет теперь такой колоссальный спрос. Семья, в которой нет этой книги, будет чувствовать себя далеко не приятно в случае неожиданного визита чернорубашечников.

Он шел по площадям и улицам, носившим теперь новые, многозначительные названия:

— Адольф — Гитлер — плац.

— Вильгельм — Геринг — штрассе.

Он проходил мимо музеев и библиотек, раскраденные сокровища которых украшали теперь дома нацистов.

Он видел газетные киоски, в которых продавались газеты Геббельса, газета Гитлера, газеты других нацистских лидеров.

Он видел детишек, возвращавшихся с митингов — маленькие автоматы в коричневых рубашках, которые уже умели выкрикивать: — Хайль!

Он видел церкви, священники которых сидели теперь по концентрационным лагерям.

Он видел весь Берлин, этот жуткий, чужой город, который мог говорить только о печальных вещах.

Утомленный, он вернулся в казармы забыться тяжелым, беспокойным сном.

* * *

Месяцы катились медленно, и постепенно мозг Северина Брауна стал альбомом гитлеровских фотографий карточек.

Тощий Фриц Рейнер, служивший в том же отряде, рассказал ему о нескольких покушениях на жизнь фюрера.

— Одни из заговорщиков был Юлий Шрек, шофер, заслуженный партиец. Он выстрелил Гитлеру в руку. Никто больше никогда не видел его.

Другой был пилот Куммер, которому пришла в голову дерзкая мысль поднять фюрера на огромную высоту и сбросить его оттуда вниз.

Говорили, что фюрер прочел намерение пилота в его глазах и отказался лететь в тот день. Это был конец Куммера.

Был еще крестьянин из Моссрейна, который бросил вилами в автомобиль фюрера, и банкир из Мюнхена, который плохо стрелял из револьвера.

Неужели этот Гитлер был заколдованным человеком, который никак не мог умереть?

— Фюрер узнает, когда настанет его час, — сказал Фриц. — Он всегда знает о предначертаниях судьбы.

Этот Фриц был настоящим нацистом, верившим во всякую чепуху.

Они сидели вдвоем в мрачном казарменном помещении, в один из тех бесконечных вечеров, когда кажется, что беседа помогает сокращать время, медленно передвигаемое пальцами часов.

— Скажи мне, Фриц, — спросил Браун. — Как он все это узнает?

Фриц снисходительно улыбнулся, как будто дело шло о чем-то совершенно пустячном.

— Очень просто. Ему скажет об этом баронесса Рук.

— А кто она такая?

— Ах, ты разве не знаешь? — Лицо Фрица тут же приняло огорченное выражение.

— Конечно, нет. Мы ведь, живя в Вене, мало что знали.

— Да, правда, я забыл об этом! — кивнул головой Фриц. Затем он откинулся на стуле к выбеленной стене и стал вертеть костлявыми пальцами сигарету.

— Дело вот в чем, Северин, — начал он. — Много лет тому назад, до того, как раздался великий призыв, фюрер работал в одном замке в Силезии. Однажды он поранил себе руку топором и хозяйка замка вышла перевязать ему рану. Она посмотрела на его руку и в ее глазах появилось странное выражение.

— Я не знаю, кто вы такой, — сказала она, — но настает день, когда вы выведете Германию из ее нынешнего состояния на путь славы.

— Это и была баронесса Рук?

— Да, она умеет угадывать судьбу человека по линиям ладони и по чертам лица. В Силезии это многие умеют.

— Теперь она живет в Берлине?

— Да! Фюрер не забыл того, что она ему сказала. Он вызвал ее к себе, когда Гинденбург сделал его канцлером. С тех пор он ни разу еще ничего не делал без ее совета, а она еще никогда не ошибалась.

— Поразительно! — выдохнул Браун.

— И божественно! — горячо ответил Фриц.

Но Северин Браун, несмотря на свою форму чернорубашечника, все же считал, что это было более удивительно, чем божественно.

Итак, он находился в сфере действий фанатика, который, не будучи в состоянии управлять сам своими дикими эмоциями, обратился за помощью к астральному миру.

Северину Брауну стало невыразимо горько при мысли о том, что, может быть, женщина, незримо сидящая позади трона Гитлера и подсказывающая ему все его действия... что судьбы Германии могут решаться в зависимости от того или иного предсказания вздорной гадалки.

Как мог здравомыслящий человек править страной при таких условиях?

Но был ли Гитлер здравомыслящим, был ли он нормальным?

Память Северина Брауна обратилась к далекому Штейнгофу, где когда-то работал доктор Моллер и где были пациенты, излечить которых нельзя было никакими средствами.

Эти параноики, страдавшие манией величия, неспособные переносить ни малейшего ущемления своего самолюбия, люди суеверные, люди, готовые в любой момент разразиться слезами, — именно они ближе всего подходили по типу к Гитлеру.

Это были бесполые существа, находившиеся большую часть времени в угнетенном состоянии духа, весьма неустойчивые, но с садическими наклонностями, с воинственным характером, с жаждой власти и крови. Таковы были Наполеон, Цезарь, Чингисхан и таков же был, по-видимому, Гитлер.

Да, каждый из тех пациентов был в своем роде Гитлером.

— О, как слепы люди!

Всего восемь лет тому назад один блестящий ученый писал:

— Гитлер совершенно не импозантная фигура. Он выглядит как моравский коммивояжер, носит усы под Чарли Чаплина и имеет совершенно пустое лицо. Люди никогда не будут поддерживать такую патентованную глупость, как гитлеризм.

Патентованная глупость.

Какой страшной иронией звучат теперь эти слова, теперь, когда кладбища переполняются могилами, когда ломается хребет нации.

Северин Браун находил все больше и больше причин к совершению того, что он замыслил.

Ради этого он уже потерял свое имя. Ради этого же он потерял свою совесть и свою душу. Он был теперь только орудием.

— Фриц! — неожиданно сказал он. — Фюрер, вероятно, имеет прекрасную охрану на случай таких покушений?

— Ну конечно. Гитлера окружает специальный отряд — это элита всего Шутцшаффеля. Разве ты никогда не замечал, как они окружают фюрера во время его выступлений, как они смотрят вокруг, как они непрерывно наблюдают за всеми?

— Я никогда не видел фюрера, — сказал Браун извиняющимся тоном.

— Мне очень жаль тебя, Северин. Но, я надеюсь, ты скоро увидишь его. Вот если бы тебя назначили в его личную охрану!

— Я бы отдал за это мою правую руку.

— Ну, ты сможешь потерять много больше, — засмеялся Фриц. — Если кто-нибудь стреляет или бросает бомбу, охранник погибает первым. Ведь слишком близко к фюреру не подпускают никого.

— А эти фильмы, которые показываются всюду, где мы видим его окруженным женщинами и детьми?

— О, это! — Фриц улыбнулся во весь рот. — Это все, конечно, только для пропаганды. Во-первых, сначала охрана обыскивает женщин. Обыскивают вообще всех, кто снимается вместе с фюрером. А из киносъемщиков к фюреру разрешают приближаться с камерой только одному человеку.

— Кто это?

— Генрих Гоффман, — ответил Фриц. — Возможно, ты встретишь его когда-нибудь. Очень мало людей знают о том, что он ближайший друг фюрера, единственный человек, которому тот вполне доверяет.

— Фриц! ты знаешь все! — с восхищением воскликнул Браун.

Чернорубашечник наклонился вперед своей огромной фигурой и таинственно зашептал:

— Я знал Гоффмана, когда он был всего-навсего фотографом мюнхенской газеты. Он был дружен с фюрером еще до путча. Теперь он очень богат благодаря тем сотням тысяч фильмов, на которые он заснял фюрера.

Северин Браун прошелся по комнате и вытащил трубку из внутреннего кармана своей темной тужурки.

— Фриц! тебе следовало бы быть в личной охране фюрера! — сказал он.

Белокурые брови Фрица резко взметнулись вверх и он обдал товарища долгим взглядом.

— Есть две причины, — сказал он веско, — по которым и не вступаю туда. Во-первых, — это очень вредно отражается на здоровье.

— Ты хочешь сказать, опасная служба?

— Больше чем это. Я хочу сказать, что очень нездорово жить в тесном общении с сотней людей. Есть, спать, гулять с ними. Бояться их теней. Они ведь толь-

ко — номера, которые не имеют права иметь каких-нибудь собственных мыслей. Они наблюдают все время за фюрером, а за ними наблюдает, в свою очередь, секретная полиция. Но, даже если бы кто-нибудь из них и захотел убить фюрера... — Тут Фриц помолчал, словно испуганный дерзостью своего выражения, и даже перекрестился...

— Даже если бы кому-нибудь и пришла в голову такая мысль, то она немедленно отразилась бы на его лице, в его глазах. И тогда... тогда... оказалось бы только одним телохранителем меньше.

Северин Браун глубоко затянулся трубкой... голубоватый дымок, поднявшись в воздух, причудливо закружился... так же кружились его мысли.

Эта психология страха и подозрения — о! он знал ее слишком хорошо.

— А какая у тебя вторая причина? — громко спросил он.

Фриц Рейнер инстинктивно покосился на дверь и на открытое окно и тихо произнес:

— Вторая заключается в том, что даже я могу пригодиться в... дублеры.

— Дублеры?

Значит, в самом деле есть люди, которые дублируют Гитлера.

Он слышал уже об этом. Кто-то говорил ему, что у фюрера было четыре дублера, что эти люди, похожие на него по внешности, умеющие говорить так же, как он, часто замещают его во время публичных церемоний.

Северин Браун кивнул головой в знак того, что ему все понятно, но тут же для большей безопасности произнес: «Хайль Гитлер!».

— Кто эти дублеры? — спросил Браун.

— Обычно их набирают из состава той же тайной полиции, — ответил Фриц. Теперь он был немного напуган тем, что так разболтался, но язык у него горел.

Браун внимательно следил за лицом товарища, наблюдая, как кровь отливает от его лица.

— Ну, что же, — заметил он, — я все же надеюсь, что мне удастся когда-нибудь увидеть самого фюрера.

Фриц улыбнулся. Опасения насчет товарища у него уже, видимо, рассеялись.

— Это очень нетрудно устроить, — сказал он. — Ты можешь видеть его почти каждый день в Кайзергофе. Он обычно пьет там чай.

— Но я полагал, что он не рискует появляться в публичке?

— Тут как раз нет никакого риска. Кайзергоф совершенно безопасное место. Ты увидишь сам, что я имею в виду. Но уже, кажется, поздно?

— Да, поздно, — согласился Браун. — Спокойной ночи, Фриц. Хайль Гитлер!

— Спокойной ночи. Хайль Гитлер!

Тут чернорубашечник потянулся, зевнул и поглядел на дверь.

— Северин! — сказал он вдруг, задерживаясь на пороге. — Ни одного слова об этом кому бы то ни было... не правда ли?

Браун улыбнулся и покачал головой.

— Не беспокойся. Я уже забыл, что ты мне сказал.

Дверь закрылась за Фрицем Рейнером, а Северин Браун тяжело опустился на свою кровать, охваченный неимоверным возбуждением.

Итак, он не напрасно провел все это время. Он все-таки кое-что узнал. Теперь у него было три заветных желания, три вещи, которые он был обязан выполнить во что бы то ни стало, а именно:

Отправиться в Кайзергоф... Попасть в особый отряд тайной полиции дублером Гитлера...

Первое было легко. Вторые же две задачи были неимоверной трудности и Северин Браун ломал себе голову над тем, как их разрешить.

* * *

Случай представился несколько дней спустя.

Северин Браун шел по Унтер ден Линден к Бранденбургским воротам.

Он задержался у края огромного зеленого леса Тиргартена, а потом повернул на историческую Вильгельмштрассе.

Здесь жили когда-то короли, потом императоры, а теперь старинные серые каменные дома печально смотрели на призрак величия, которое уже никогда не воскреснет.

Но зато сердце партии здесь билось как живое и толпа на улицах была живой, а не призрачной.

Когда Браун медленным шагом пересекал огромную Вильгельмплац, ему почудилось, что окна нацистских учреждений были тысячью глаз, внимательно на него смотревших и старавшихся проникнуть в глубину его мыслей.

С правой стороны от Брауна был дом канцлерства с высоким балконом, с которого часто говорил Гитлер.

Браун сразу же заметил, что план этого здания был рассчитан так, чтобы отбить охоту на покушение у самого отважного злоумышленника. Балюстрада балкона была настолько высока, что открывала только голову и плечи фюрера и нужно было бы найти нового

Вильгельма Телля для того, чтобы суметь нацелиться в человека, стоящего за этой балюстрадой.

Но и в этом случае перед убийцей стояло бы затруднение, так как ему некуда было бы спрятаться.

Все окна, выходящие на площадь, были под охраной нацистов, а в те дни, когда выступал фюрер, вся канцелярская работа в этих комнатах прекращалась и их занимали чернорубашечники.

А огромная площадь в это время оцеплялась железным кольцом.

Чернорубашечники стояли у входа в здание, чернорубашечники стояли полукругом под балконом, с глазами, устремленными на окна. А само восторженное население было густо пересыпано членами гестапо, переодетыми в штатское чинами полиции и просто шпионами, которые беспрестанно двигались, подслушивали и выслеживали измену.

Теперь Вильгельмплац был пуст. Перейдя площадь по диагонали, Северин Браун направился к Кайзергофу. Огромный отель затаился в своем углу, мрачный и хмурый, как вдовствующая королева, недовольная тем, что ее дети не уважают больше ее воли.

Это здание, видевшее некогда в своих стенах Гогенцоллернов, стало теперь буржуазным гнездом нацистов. По его просторным залам шагал теперь бывший маляр в сопровождении своей загипнотизированной свиты.

Вестибюль показался Брауну слишком шумным: тут стояла толкотня. Но говор и смех, которые он слышал, исходили не от гостей. Наметанным взглядом Браун сразу различил в этих людях чернорубашечников и агентов гестапо. Некоторых он узнал, вежливо им поклонился и прошел мимо конторки в чайный салон.

— Хайль Гитлер! — сказал он метрдотелю. — Мне нужен столик. Я хотел бы занять вот тот.

— Хайль Гитлер! — откликнулся тот. — К сожалению, этот стол резервирован, но я могу предложить вам другой. Сюда, пожалуйста!

Северин Браун слегка вздрогнул и отправился вслед за кельнером через всю залу. В зале стоял тонкий гул от голосов.

Он почувствовал на своей спине чей-то взгляд, обернулся и увидел одиноко сидевшую женщину.

Она улыбнулась ему автоматической улыбкой.

Вдруг Северин Браун почувствовал нечто вроде электрического тока, пронизавшего все его тело. Северин Браун увидел «Его».

Фюрер склонился над своим столом в темном углу зала. Мягкими женскими руками он гладил свои точно отполированные черные волосы.

За столом фюрера сидел еще один человек. Крепкий, как гранитная плита на могиле и почти такой же серый и такой же квадратный.

Северин Браун невольно остановился. Мысли забили в его голове ключом, как зельтерская в откупоренной бутылке.

Но почему никто из присутствующих не обращал никакого внимания на этого человека с такими блестящими волосами... только бриллиантин мог придать такой блеск.

Это уже был, безусловно, не дублер. Никто в мире не смог бы подделать этих таинственных, месмерических глаз... Это ничего не значило, что он был здесь в неофициальной обстановке; он все равно действовал угнетающе... Никто не мог чувствовать себя спокойно в присутствии этой странной, нервной машины с человеческими усами, с голосом, который никогда не говорил, а всегда декламировал.

Северин Браун настолько забылся, что поискал у себя на поясе нож. И тут же вспомнил, что его нож остался вместе с его формой в казарме.

Неожиданно над его ухом раздался голос кельнера:

— Лучше не смотреть. Фюрера это раздражает!

— Да, да, конечно!

Браун сел на указанное ему место и бросил взгляд на карточку.

— Чай, пожалуйста. И тосты.

Кельнер записал заказ на блокноте и повернулся, чтобы уходить, но Браун задержал его:

— Скажите, — спросил он, улыбаясь. — Фюрер здесь часто бывает?

— О да! — выдохнул кельнер.

— Это для вас, вероятно, большая честь?

— Конечно, — гордо улыбнулся кельнер. — Он приезжает сюда есть монструдель. Он сказал мне один раз, что никто в Берлине не умеет готовить этот струдель, как кайзергофский шеф-кулинар. Он говорил даже, — тут кельнер понизил голос до шепота, — что лучше даже в Вене не приготовят!

— В таком случае вы должны гордиться!

— Мы и гордимся этим.

— Это с ним господин Гоффман? — наугад спросил Браун.

— Да... — прекраснейший человек!

Кельнер снова поклонился и исчез.

А Северин Браун, привлекаемый какой-то странной тягой, которой он не мог преодолеть, обратил глаза на заветный угол, где сидел фюрер.

Но стол фюрера словно исчез. Перед глазами Брауна была только тяжелая, белая мраморная колонна, каких было много в зале.

С минуту Браун не мог догадаться, в чем дело — неужели фюрер уже ушел?

Но потом, слегка откинувшись на своем стуле вбок, он снова заметил этот стол.

Он еще раз оглядел комнату и увидел нечто интересное для себя.

Все ближайшие к колоннам столы были пусты — они, очевидно, были «резервированы» по стратегическим соображениям.

За некоторыми из этих столов сидели спокойные люди в темной одежде. Почти у каждого из них правая рука была засунута в карман.

Теперь Северин Браун прекрасно понял, на что намекал Фриц.

Ни один злоумышленник не смог бы сделать движения для того, чтобы подойти к фюреру, забаррикадированному колоннами, не будучи замеченным агентами гестапо.

Это еще больше убедило Северина Брауна в том, что в зале был настоящий фюрер.

Северину Брауну предстояло выполнить свою задачу в полном одиночестве. Но Северин Браун чувствовал, что он преодолеет все эти препятствия.

Он сидел за своим столом, пил чай и размышлял над безумием власти, окруженной подозрениями и ненавистью.

А что, фактически, нужно этому человеку с императорской, с деспотической властью?

— Чашка чаю и кусок монструделя!

И ради этого целый маскарад с якобы веселящимися мужчинами и женщинами и недремлющей полицией.

Этот человек мог забраться на свою виллу в Берхтесгадене или спрятаться в другом своем убежище, в фантастическом Адлерхорсте на утесе Кельштейн. Он

мог завоевывать и грабить, — делать с Рейхом все, что ему вздумается, но где бы он ни был, он мог только наблюдать за тем, как живут другие люди, не живя по-настоящему сам.

Это навело Северина Брауна на мысль, что если Гитлер не будет уничтожен раньше, он в один прекрасный день сам уничтожит себя.

Он наблюдал за Гитлером. Он наблюдал за Гоффманом. Он изучал их так же внимательно, как когда-то изучал нервную реакцию у морских свинок, будучи еще студентом.

Вот через комнату прошла женщина — высокая, золотоволосая, с полной упругой грудью, налившейся как два зрелых плода под тонким шелком платья.

Генрих Гоффман окинул ее профессиональным взглядом и одобрил: его собственная жена, «Тутти», тонкая и худощавая, была однажды избрана королевой на конкурсе красоты.

Адольф Гитлер что-то сказал своему другу, захихикал и заерзал на стуле.

Северин Браун, нет, доктор Моллер много раз наблюдал это странное замешательство у ненормальных в сексуальном отношении мужчин, когда они находились в присутствии женщин.

Теперь Северин Браун опять понял, что мог подразумевать Фриц, когда говорил, что фюрер не любит смеха в своем присутствии.

Конечно, фюреру было гораздо приятнее выслушивать только похвалы.

Северин Браун вспомнил теперь еще много всяких вещей, о которых он слышал раньше.

Он вспомнил, как кто-то рассказывал о постоянном волнении Геринга и Геббельса, пытавшихся найти своему вождю подругу.

Одно время у всех на виду была смуглая Лени Рифеншталь с глазами как звезды. Она забавляла фюрера до тех пор, пока не выяснилось, что те же самые соблазнительные взгляды, которыми она обдавала фюрера, она расточала молодым спортсменам, участникам олимпийских игр.

Потом говорили о фрау Вагнер, которая, однако, отвергла предложение фюрера.

Потом была какая-то странная история с племянницей фюрера, молоденькой Гели, покончившей с собой.

Была и еще история с англичанкой Юнити Валькирией Мидфорд, которую одно время уже называли невестой фюрера.

Теперь Северин Браун знал, что какая бы женщина не стала женой фюрера, ее брачная жизнь была бы только фикцией.

Браун вспомнил также рассказы других чернорубашечников о том, что фюрер любит на своих приемах спаивать гостей и затем наблюдать, как они теряют контроль над собой...

О том, как он тратит баснословные деньги на декорирование своих комнат, а затем уродует их безобразными подушками, которые вышивает ему сестра...

...О том, как он декламировал на открытии ресторана своего брата и распутал всех клиентов.

...О том, как он учился ораторскому искусству у актеров государственного театра и пользовался Брукнером для усовершенствования своих речей...

...О том, как во время некоторых своих публичных выступлений он до того увлекался, что этот же самый Брукнер должен был держать его сзади... (эти кадры были потом вырезаны из фильмов).

...О том, как он запретил своим согражданам бросать в него цветами из опасения, что в букетах могут быть спрятаны гранаты...

...О том, как он один раз чуть не упал в обморок на Олимпиаде, когда одна эксцентричная американка бросилась поцеловать его... (Фюрер вообразил, что она бросилась на него с ножом).

Все эти маленькие истории сами по себе не имели никакой ценности, но, будучи связанными в одно целое, они приобретали известную значимость для характеристики состояния рассудка фюрера.

Анализируя всю раскрывавшуюся перед ним картину, Северин Браун невольно содрогался.

Он не мог не чувствовать, насколько он был мал для того, чтобы распутать этот страшный узел.

Больше того — он знал, что сам он давно уничтожен, что его нервы давно сторели и умерли.

И все же в нем еще жило что-то, что не могло исчезнуть, что было необходимо для него и... для фюрера.

Северин Браун отодвинул чашку, оглядел осторожно зал и заметил, что Гитлер и Гоффман уже вышли.

Тогда он позвал кельнера, заплатил по счету и вышел на улицу.

Здесь он мог спокойно вздохнуть.

Вечерний воздух был прохладен и свеж. Он приятно обвеивал его разгоряченное лицо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Наконец настала та незабываемая неделя, когда Северин Браун добился исполнения своего заветного желания.

Он был назначен в особый отряд телохранителей Гитлера.

Он заработал это повышение неимоверным усердием, — усердием работы.

Он шпионил и посылал доносы, в результате которых безвинных людей посылали на казнь.

Он избивал людей — мужчин и женщин, детей и стариков.

Он сумел доказать всем, что умеет убивать и не знает ни жалости, ни пощады.

Новая жизнь его мало чем отличалась от старой.

Казарма была такая же голая и холодная, лица новых товарищей такие же серые и хмурые, с редко улыбающимися ртами.

Здесь только было больше взаимного недоверия и боязни откровенности.

Это положение еще усиливалось благодаря тому, что все сто человек постоянно находились вместе днем и ночью.

По временам Северин Браун жалел о том, что он знал о человеческом рассудке.

Как легко приручался этот рассудок, как быстро он превращался в слепое орудие чужой воли. И как легко он поддавался навязчивым идеям.

По ночам, когда все было спокойно вокруг, некоторые телохранители слышали вдруг чей-то шепот, видели тени, взбравшиеся по стенам.

Другие слышали треск ружей, слышали крики и стоны умирающих людей.

То же самое было и с Брауном.

Иногда, преследуемый во сне этими видениями, он вскакивал с постели и холодный пот катился по его лицу. Очнувшись, он обычно громко ругался, отгоняя богохульствами ложь кошмара.

Иногда ему становилось страшно за самого себя — до того обманывали его чувства.

Так, один раз, днем, он увидел перед собой Грету в новой желтой шляпке... услышал ее голос...

В другой раз к нему подошел тот, настоящий Северин Браун, и потребовал, чтобы ему возвратили его имя. Он хотел, чтобы это имя было с ним в могиле.

А вчера мимо него в кабинет Геринга прошел человек в черной с серебром форме, странно похожий на Эриха Францеля.

Браун так хотел окликнуть его, прикоснуться к нему, почувствовать твердое пожатие его руки — руки Эриха Францеля.

Но Эрих в форме... — как это надо было понять?

Тут он, однако, заметил двух переплетенных змей на плечах тужурки — значок военного врача.

Значит, это был действительно Францель.

Эрих Францель, прибывший в Берлин для познания новой мудрости. Эрих с его молодым лицом и лимонно-желтыми волосами. Почему он оказался здесь? Может быть, за ним специально послали. Люди такого чисто арийского типа были особенно нужны.

И вдруг... Северин Браун неожиданно почувствовал, насколько он был глуп.

То, что он видел, было лишь галлюцинацией. Никакого Францеля перед ним не было.

Как долго можно переносить подобное состояние?

Стоял прекрасный весенний день.

С той бурной весны, когда произошел аншлюс, прошел уже год.

Генерал Геринг отправил в казарму приказ о том, чтобы в Берлинский государственный театр прислали сорок человек из особого отряда.

— В театр? Моих людей? — недоверчиво спросил начальник отряда, выслушав посланного.

— Генерал заявил, что это чрезвычайно важно.

— Может быть, — сказал начальник, — они хотят выставить настоящий взвод для сцены расстрела в «Тоске»? А может быть, они хотят, чтобы мы разыграли сценку из «Гензель и Гретель» и по-настоящему сожгли ведьму? Конечно, еврейскую ведьму!

— Вы знаете, как относится генерал к театру, — заметил посланный. — Он способен созвать весь Рейхстаг, если это понадобится для спектакля.

— Но у меня здесь люди, а не петрушки! Впрочем, конечно, если генерал настаивает...

— Хорошо.

В два часа Северин Браун и тридцать девять его товарищей направлялись к огромному зданию бывшего императорского театра на Жандармской площади.

В театре их встретил Густав Грюдсенс, тонкий, верткий директор театра, который когда-то долго учил Геринга искусству говорить зажигательные речи.

— Я очень рад видеть вас здесь, друзья мои, — сказал он. — Всегда приятно видеть чернорубашечников — людей с чистой совестью.

Один из людей фыркнул — дисциплина начинала уже слегка трещать... несколько молодых людей улыбнулись.

— Это первый раз за всю вашу карьеру, что вам придется играть какую-то роль, — продолжал директор.

Северин Браун толкнул одного из товарищей под ребро и тот, не выдержав, захохотал. Этот смех был сразу же подхвачен остальными и через какую-нибудь минуту весь зал дрожал от гулкого хохота.

Итак, они должны стать актерами, они, которые жили одной идеей служения родине; они, которые сыграли достаточно большую роль во всегерманском национальном спектакле! Они будут актерами — они — чернорубашечники, имевшие в своем репертуаре достаточно монологов, вроде:

— Хайль Гитлер!.. Долой евреев!... Один фюрер, один Рейх!

В первый раз!.. Ха-ха-ха-ха!

Тут было над чем посмеяться.

— Ну хорошо, молодцы! — сказал Грюдсенс. — Сейчас я скажу вам, что вы должны делать.

Через час, когда репетиция закончилась, директор снова собрал их вместе и заявил:

— Я полагаю, что было бы очень мило, если бы кто-нибудь из вас, молодцы, отнес цветы фрау Геринг в виде благодарности за эту работу.

— Отнести цветы? — переспросил один из чернорубашечников.

— А почему бы нет? — ответил вопросом Грюдсенс. — Она сегодня дома и вместе с генералом принимает гостей. Она очень милая дама, прекрасная актриса. Я знал ее, еще когда она была генеральской...

Тут директор спохватился и, переведя дыхание, поправился:

— Когда она была еще Эмми Зоннеман.

Чернорубашечники стали вопросительно смотреть друг из друга. Никому не хотелось идти.

— Ну, ну! — сказал один из них. — В конце концов, надо же кому-нибудь отправиться. Кто пойдет?

— Ганс, конечно, — отозвался другой. — Ганс самый белокурый.

— Только не я! — вспыхнул Ганс. — У меня прыщ на лбу.

— Тогда иди ты, Вальтер!

— Никак не могу. Я сегодня дежурю в канцлерстве.

Некоторое время чернорубашечники еще торговались, кому идти, пока чей-то взгляд не упал на Северина Брауна.

— Ты! — воскликнул Ганс. — Ты новичок в отряде. Ты и иди.

Идти на квартиру Геринга!

Северин Браун неожиданно почувствовал нечто вроде нервного шока. А если там будет Гитлер, один, совершенно безоружный и без всякой охраны?

— Это так просто, — настаивал Ганс. — Кроме того, тебя могут пригласить присоединиться к гостям.

— Да, — кивнул головой Вальтер. — Ты можешь понравиться им. В тебе есть какое-то сходство с фюрером.

— Решено. Он пойдет!

— Отправляйся, Северин!

Так Северин Браун отправился на квартиру генерала Геринга.

Он купил восемь белых лилий в магазине на Потсдамской площади, быстро пересек Лейпцигскую площадь и остановился перед импозантным трехэтажным домом, в котором жил генерал.

Он прошел мимо ухмыляющегося охранника у ворот и был проведен внутрь дома другим человеком, также в форме.

У самого входа в дом охранник обратился к нему:

— Ваш нож и револьвер!

Нахмурившись, Браун отдал оружие. Потом, сняв шапку, бросил ее на скамью и остался на некоторое время один со своими взбудораженными мыслями, пока горничная отправилась докладывать о нем хозяевам.

Без оружия он чувствовал себя теперь точно голым. Кроме того, у него возникла мысль о какой-то ловушке. И тут же мучила другая мысль, о том, не могут ли ему еще раз пригодиться его руки... нет, убивать руками, это слишком долгая история!

— Пожалуйста!

Резкий голос горничной вывел его из задумчивости.

— Спасибо!

Он пошел за ней через длинный зал. Его тяжелые сапоги гулко стучали по навощенному паркету.

Горничная остановилась и недовольно поглядела на него.

— Тише! Вы здесь не на параде!

Он слабо улыбнулся и стал ступать осторожнее.

Тут до его ушей донесся нежный звук музыки, той музыки, которую можно слышать в уютных домах за чаем. Играл струнный квартет. Немного позже он слышал и голоса гостей.

Он стоял под аркой, которая вела в большую гостиную, и чувствовал себя невыразимо плохо.

Глаза его оказались неожиданно прикованными к огромной картине, висевшей над камином во всей своей сверкающей красоте.

Он сразу же узнал бессмертное полотно Рубенса — «Охота Дианы».

Он видел эту картину еще давно, в Берлине. Тогда она висела в музее кайзера Фридриха и принадлежала народу. Каким образом она попала теперь в квартиру Геринга? Было весьма поучительно узнать, что

жадность генерала простирается и на предметы искусства.

Комната была полна мужчин и женщин. Здесь собралась обычная группа людей, подтверждавшая разговоры о хваленной демократии Геринга.

Сам генерал, великолепный в своей кожаной форме коричневого цвета, развалился в кресле.

Фрау Геринг, одетая с претензией на какой-то стиль, выглядела еще толще, чем на фотографиях.

Тут же был фон Риббентроп, похожий на Мефистофеля; Риббентроп, державший в руке бокал с шампанским... Фрау Геббельс — одна, без своего карликоватого мужа... ассортимент чернорубашечников... пара чиновников и несколько незамужних Эльз — еще ожидающих своих Лоэнгринов.

Фрау Геринг сразу же заметила вошедшего.

Она подошла к двери, улыбаясь.

Браун почувствовал, что стебли лилий в его руках становятся горячими и потными.

Он щелкнул каблуками и поклонился.

— Честь имею приветствовать вас, сударыня, — сказал он, краснея. — Мои товарищи послали меня передать вам, что они счастливы и горды тем, что им выпало на долю играть в государственном театре.

Фрау Геринг захлопала своими пухлыми руками.

— Слушайте, слушайте все, — воскликнула она. — Вот мой коллега! Он играет на моей старой сцене. О, как я тоскую по ней, несмотря на свое счастье!

— Эта сцена без вас, фрау Геринг, уже никогда не будет такой, какой она была прежде.

— Умный мальчик! — сказала она, смеясь.

— Вот цветы, фрау Геринг.

— Ах да... цветы... конечно... Я поставлю их... подождите...

Она огляделась через плечо, как бы обыскивая комнату глазами.

— Вот, — сказала она, слегка касаясь его руки. — Туда! Отнесите цветы ему.

Браун быстро оглядел группу мужчин, стоявших у камина. Он чувствовал себя невыразимо глупо.

Итак, он явился сюда не для того, чтобы выполнить свою миссию, не для того, чтобы освободить свою страну от безумного убийцы, а для того только, чтобы отдать цветы этой толстой женщине.

— Простите, — сказал он. — Которому из этих господ должен я передать цветы?

— Не сюда, — воскликнула она нетерпеливо. — Вон туда, в угол! Фюреру!

— Фюрер!

Северин Браун почувствовал, что теряет всякое душевное равновесие.

Цветы теперь оттягивали его руки, как цепи.

— Пойдите к нему, — продолжала фрау Геринг. — Отдайте цветы ему.

Беспомощно оглянувшись на нее, он весь в поту прошел через комнату: ему чудилось, что пол проваливается у него под ногами.

Там в углу сидел Гитлер.

Он был один, его голова была низко опущена, он был в задумчивости.

Около него не было ни одного телохранителя. Но большая комната была полна народу и все наблюдали за ним, за Брауном.

И тут же — о, Боже! — тут же у кресла фюрера стояла маленькая девочка, бесстрашно смотревшая в замерзшие глаза.

Говорили, что Гитлера любят дети... Возможно... дети любят все примитивное.

Иначе почему бы эта девочка стояла так близко к Гитлеру? Почему бы она карабкалась к нему на колени?

Но этот ребенок не может остановить Брауна. Что значит один ребенок, когда тысячи других детей видели во время путча своих отцов плавающими в крови?

И вдруг Северин Браун услышал свой собственный голос:

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер, — ответил фюрер.

— Фюрер!.. эти цветы...

Гитлер взял цветы, крепко сжимая их стебли. Потом с коротким, отрывистым поклоном передал их фрау Геринг.

— Самой арийской матери в великой Германии, — сказал он.

— Зиг хайль! — прошептали гости.

Гитлер взял несколько лилий и всунул их в маленькую детскую ручку:

— А это будущей матери Рейха!

Будущей матери.

Крошечный ребенок уже заранее предназначался к тому, чтобы родить штурмовиков.

— Благодарю вас! — вежливо сказала девочка. — Хайль Гитлер!

Потом, подняв на него ясные глазки, добавила:

— Дядя Гитлер! Что вы говорите, когда благодарите кого-нибудь: «Хайль Я» или «Хайль Мне»?

Фюрер отвернулся, а Геринг подошел к девочке и взял ее за руку.

— Я думаю, Хельга, — сказал он, — что тебе пора отправляться к гувернантке.

Северин Браун вышел из затемненного угла, в котором стоял.

Черная рубашка облегла его тело, как пластырь. Его рот был горяч и сух. Быстрым шагом покинул он гостиную фрау Геринг. Он шел по улице быстро, все ускоряя шаг. Он бежал в казармы, разрываемый, преследуемый тысячью мук.

Два дня Северин Браун оставался наедине сам с собой, погруженный в свои переживания. Он сказался больным и его оставили в покое.

Он чувствовал, что наступил крах. Он понимал это прекрасно, благодаря своим знаниям.

Он когда-то мечтал спасти мир от безумного тирана — и теперь он сам превращался в безумца и все смеялись над ним — дни, часы, стены, небо. Небо и ад.

Все хохотали над его бесплодной попыткой.

Особенно резко он слышал этот смех по ночам. В его ушах отдавались тысячи голосов, громких и тихих, громовых и шипящих.

— Так ты думаешь, что я схожу с ума? — крикнул он однажды луне, глядевшей в окно.

— Сумасшедший! Какое ужасное слово!

Нет, нет, только не это!

— Смейтесь же надо мной! — крикнул он в бешенстве. — Смейтесь! Я могу потерпеть неудачу, но знаю, что только такие люди, как я, способны повести мир к свободе. Нет! Я не проиграю! Я убью Гитлера!

Неужели он сказал это слишком громко?

Его, конечно, услышали. А если не услышали, то могли просто прочесть его мысли.

Он снова улегся в свою одинокую постель, зарывшись головой в руки, но заснуть ему скоро не удалось. Он долго ворочался, стонал, колотил себя по голове кулаками.

Наконец забылся.

Через три дня в казармы явился Гиммлер, глава гестапо, и Северин Браун был вызван к нему в кабинет.

— Северин Браун! — торжественно сказал Гиммлер. — Фюрер вызывает вас!

— Меня? — переспросил Браун. — Я...

— Никаких вопросов. Десять минут на сборы. Ровно десять минут!

Итак, его в конце концов разыскали.

Браун медленно поднялся по знакомой лестнице... его сердце колотилось, как барабан.

Зачем торопиться на смерть?

Фюрер вызывает его. Фюрер, конечно, несравненно умнее его. Он прочел тайну в его глазах, тогда, в доме Геринга.

Фюрер подслушал его мысли, принимая цветы и разговаривая с девочкой.

Иначе зачем было посылать Гиммлера за ним, Брауном, Гиммлера, самое имя которого вызывает представление о траурной карточке?

Десять минут! Как они быстро отмерли.

Опять «мерседес», на этот раз закрытый.

Как мягки и покойны эти огромные машины, часто везущие на смерть, какие в них удобные подушки, на которые хочется облокотиться усталой спиной.

Через некоторое время, — Браун не знал, были ли то минуты или часы, — автомобиль остановился на Фостштрассе перед домом Гитлера. Не домом, а памятником гитлеровской мощи. Мрамор, гранит, сталь, кровь, смерть, отчаяние...

Двое ординарцев, ехавших с ними, остались в машине.

В дом вошли только Гиммлер и Северин Браун. Оба молчали.

Десять ступеней. Массивная дверь. Еще несколько ступеней, ведущих к другой двери.

Прошли через увешанный коврами зал, пол которого был сделан из мрамора, выкопанного в германской земле.

Прошли через другой зал, который казался бесконечным, его стены гулко отдавали эхом шаги двух мужчин.

Подожли наконец к последней роковой двери с бронзовым орлом, держащим в когтях щит, на котором вместо герба стоят просто инициалы: А. Г.

У этой двери стояли на часах чернорубашечники.

Браун знал их, но не посмел им улыбнуться в присутствии Гиммлера.

Огромная дверь широко открылась перед ними.

— Дверь в Вечность! — подумал Северин Браун.

В комнату вошел только один он. Гиммлер остался позади за захлопнутой дверью.

Итак, они наконец-то наедине.

Наедине. Но эти стены должны иметь сотню глаз, тысячу ушей...

Голова Гитлера была склонена над огромным письменным столом. Он царапал что-то пером на бумаге. Выцарапывал, вероятно, какие-то новые законы для еще большего удушения Рейха.

Наконец фюрер поднял глаза от бумаги. Его глаза были сини как сапфиры.

— Северин Браун, вам выпадает большая честь!

Честь? С каких пор смерть стала честью?

— Хайль Гитлер! — произнес Браун, думая сам в то же время:

— Что это еще за фарс?

— Хайль Гитлер! — ответил Гитлер.

Затем, немного помолчав, продолжал торжественно:

— Северин Браун! Готовы ли вы отдать свою жизнь взамен моей?

— Да, фюрер!

До сегодняшнего дня он так дорожил этой жизнью. Она была нужна ему.

— Вы мне нравитесь. Мне нравится ваша преданность долгу. Вы можете хорошо послужить мне. Вам предстоит иметь дело с толпой, рисковать вместо меня.

Великий Боже! Итак, его избрали двойником Гитлера. Он должен разыгрывать роль этого тирана, думать его мыслями, носить его одежду. Находиться вблизи него, жить его жизнью. И в конце концов, вероятно, погибнуть вместо него.

Фюрер встал с места, в его голосе уже раздавались знакомые раскаты:

— Это нужно для сохранения моей жизни. Я научу вас, что говорить вместо Гитлера. Я — Фюрер. Я — Германия. Мы топчем тех, кто становится поперек нашей дороги. Они боятся нас!

Проклятье! Где он слышал уже однажды этот голос? Он его, конечно, слышал раньше... Ах да, в тот день в Штейнгофе!

Остановись, безумный, остановись!

Но голос продолжал, заывая все больше:

— Германии не нужно Бога. Ей не нужно Христа. Ей не нужно папы. В Германии нет места для Бога. И для евреев также. И для еврейских женщин.

— Остановись, Гитлер! — кричало все существо Северина Брауна.

Он ощупал свой пояс, но ножа там не было. Револьвер также отсутствовал.

Глаза Брауна оглядели письменный стол. Ничего... чем можно было бы ударить, разве вот... бюст Гинденбурга.

Солидный бюст из тяжелой бронзы.

Замученный человек, бывший некогда доктором Карлом Моллером, схватил этот тяжелый бюст руками.

Бюст взмахнулся в воздухе. Опустился. Ударил.

— Гинденбург создал тебя. Гинденбург приканчивает.

Кровь брызнула на руки Северина Брауна. Кровь забрызгала книгу «Моя борьба».

Фюрер тяжело рухнул на коричневый мраморный пол к ногам Северина Брауна, дыхание которого выходило тяжело, как дым из сломанной трубки.

Пусть они придут теперь и полюбуются на своего лидера, лежащего в крови. Пусть скажут ему — «Хайль!»

Браун упал на колени и долго глядел на лицо мертвого фюрера.

Но вот кто-то входит... шаги звенят по мрамору пола.

Браун поднимает голову и видит перед собой лицо Францеля. Итак, Францель был здесь, смелый верный Францель, которого он видел так давно. Францель — его друг.

Вдвоем они смогут сорвать одежду с фюрера, разбить ему лицо, и Северин Браун снова займет в жизни чужое место.

Францель поможет. Достаточно ему, Брауну, поднять глаза и сказать:

— Эрих!

Но ответа не было.

В этих преданных молодых глазах было только горе и жалость.

И снова Северин Браун почувствовал, что он перешагивает через труп.

Никакой Францель тут не мог ему помочь. И никто вообще в мире.

Но в душе Брауна было сладкое ощущение выполненной задачи.

Он совершил то, что задумал.

Он поднялся и снова взглянул в глаза Францеля.

Но на этот раз Францель был далеко, на другом конце комнаты. Он стоял в дверях.

Сердце Брауна сильно забилося.

— Эрих! Эрих! ради всего святого!

Рука Францеля взлетела высоко вверх. Вся его фигура на фоне открытой двери казалась страшной и злобной.

Северин Браун закрыл глаза, но не мог закрыть ушей своего рассудка, своего сердца.

Он услышал голос Францеля.

— Хайль Гитлер!

———oOo———

Комментарии

Возможностью ознакомиться с этим примечательным фантастическим антифашистским романом-памфлетом мы обязаны сайту «Букник», где в свое время был представлен скан издания с вводным словом М. Эндель*.

Местом издания набранной в модифицированной старой орфографии книжки обозначен Шанхай, на титульном листе вместо имени автора значится – «Аноним». Как указывает М. Эндель, это странное издание – «чистый контрафакт. Вероятнее всего, мы никогда не узнаем ни имени переводчика, ни издателя. И даже то, что книга вышла в Шанхае, вызывает некоторые сомнения. Несомненна, однако, ее ценность — художественная и историческая».

Установить источник русского перевода нетрудно, что и было сделано М. Эндель. Это книга «The Man Who Killed Hitler», опубликованная в 1939 г. в Лондоне и Лос-Анджелесе без имени авторов известным издателем, бизнесменом и путешественником Джорджем П. Патнэмом (1887-1950).

Конец тридцатых выдался бурным периодом в жизни Патнэма. В 1937 г. его жена, знаменитая летчица Амелия Эрхарт, пропала без вести во время кругосветного перелета; в 1938 г. Патнэм основал новое издательство в Калифорнии, а в мае 1939-го – после того, как Эрхарт в начале года была официально объявлена погибшей – женился на Жанне-Мари Джеймс. Однако в мае произошло еще одно драматическое событие...

Как сообщала американская пресса, вскоре после выхода «Человека, который убил Гитлера» Патнэм был похищен из своего дома двумя людьми, говорившими по-немецки. Журнал «Тайм» от 22 мая 1939 года писал: «Мистер Патнэм был найден в 100 милях от собственного дома, находящегося в северной части Голливуда. Он был связан, во рту у

* Эндель М. «Человек, который убил Гитлера» // Booknik, 31. 10. 2012 (<http://booknik.ru/yesterday/lost-books/chelovek-kotoryyi-ubil-gitlera/>).

него был кляп. Он озадачил полицию рассказом о том, что его похитили нацисты. “Эти двое говорили между собой по-немецки. Один спрашивал, кто снабдил меня информацией, которая изложена в книге. Я ответил, что не знаю”».

Джордж П. Патнэм

Приведем более содержательное сообщение агентства АП, обошедшее тогда же американские газеты – в нем впервые были раскрыты имена авторов книги:

«ЛОС-АНДЖЕЛЕС, 13 МАЯ. – Автомашина, принадлежащая Джорджу Палмеру Патнэму (52), в которой, по словам издателя, его похитили и отвезли в Бэйкерсфилд вечером минувшей пятницы, была обнаружена в воскресенье в полумиле от места, где был найден связанным сам издатель.

Похитители, как рассказал полиции Патнэм, говорили по-немецки и требовали, чтобы он прекратил публикацию

книги “Человек, который убил Гитлера”. Он сказал, что похитители хотели знать, кто помог Дину Дженнингсу, бывшему журналисту из Сан-Франциско, написать это художественное произведение.

В сегодняшнем заявлении Патнэм сообщил, что соавтором являлась Рут Ландсхоф, бывшая графиня Йорк. Она провела некоторое время в Голливуде, но ныне проживает в Нью-Йорк-сити.

“Книга”, – говорится далее в заявлении, – “основана на личных впечатлениях графини, которая сегодня согласилась отказаться от анонимности. Книга была непосредственно написана Дженнингсом”.

“Идея романа о Гитлере, основные линии сюжета и название были подсказаны литературным критиком Дэвидом Малькомсоном из Санта-Моники”.

Как сообщил лейтенант-детектив В. М. Робинсон, почти все отпечатки пальцев в автомашине Патнэма были тщательно вытерты, однако удалось найти четыре отпечатка, которые будут подвергнуты проверке».

Полицейское следствие, как и следовало ожидать, быстро зашло в тупик. Усилия похитителей пропали даром – в том же 1939 г. в Париже вышел французский перевод книги. Появился и русский, о чьей истории мы не знаем ровно ничего. Остается гадать, когда именно книга вышла в свет и действительно ли издание было выпущено в Китае, где в предвоенные годы подвизались как просоветские эмигранты, так и многочисленные русские фашисты.

Об авторах романа нам известно много больше. Критик Дэвид Малькомсон (1889-1970) в тридцатые годы преподавал писательское мастерство в Калифорнийском университете, написал несколько детских книг. Дин Дженнингс (1920-1969) работал в газетах Сан-Франциско, во второй половине двадцатых провел два года во Франции в качестве репортера «Paris Herald», в тридцатых-сороковых возглавлял или представлял ряд государственных организаций – главным образом связанных с прессой и киноиндустрией. Позднее писал детективы, а в начале 1950-х вернулся к газетной

работе как автор «городской колонки» в «Сан-Франциско Кроникл».

Рут Ландсхоф-Йорк (1904-1966) достойна отдельной статьи. Она родилась в Германии в состоятельной семье, посещала актерские курсы, сыграла роль Люси в шедевре Ф. М. Мурнау «Носферату. Симфония ужасов» (1922) и выступала на театральных подмостках вместе с Марлен Дитрих (по некоторым сведениям, Рут Ландсхоф рекомендовала Дитрих на прославившую актрису роль Лолы в кинофильме «Голубой ангел»).

Рут Ландсхоф-Йорк

Выйдя замуж за банкира Фридриха Д. Йорка фон Вартенбурга, Рут обратилась к писательству; в 1930 г. вышел ее второй и очень успешный роман «Многие и одна». Но с приходом к власти нацистов она, по причине своего еврейского происхождения, была вынуждена покинуть Германию. Жила в Англии, после в Швейцарии, а в 1937 г. эмигрировала в США. В конце сороковых годов она опубликовала

несколько романов, позднее печатала стихи и биографические эссе, покровительствовала знаменитому театральному коллективу «La MaMa», поставившему несколько ее пьес.

В годы Второй мировой войны главные участники издательского проекта оказались в рядах активных борцов с нацизмом. Патнэм, ветеран Первой мировой, вернулся в армию в чине капитана, служил в военной разведке и в 1942 г. получил звание майора. Рут Ландсхоф-Йорк работала над

*«Человек, который убил Гитлера».
Титульный лист*

антифашистскими радиопередачами для американского Департамента военной информации; Дин Дженнингс возглавлял отделение данного департамента в Сан-Францис-

ко. Не был забыт и их роман: права на его экранизацию приобрел Эрих Поммер, бывший продюсер УФА, мечтавший о создании независимой студии в США. В марте 1943 г. он обратился к известному немецко-французскому режиссеру Макс Офюльсу (1902-1957), с 1941 г. жившему в эмиграции в Америке, с просьбой написать сценарную разработку. «Экспозе» Офюльса заняло 83 страницы и включало любовную линию, впечатляющие театральные эпизоды и эффектную сцену убийства Гитлера с помощью железной свастики (убитый оказывался двойником фюрера). Замысел Офюльса и Поммера так и не был реализован*.

С чисто художественной точки зрения «Человек, который убил Гитлера» несет на себе несомненные черты времени. Роль Рут Ландсхоф-Йорк вряд ли сводилась только к изложению «личных впечатлений»: стремительный и фантазмагорический текст заимствует многое из опыта немецкой экспрессионистской прозы и кинематографа и межвоенного «киноромана», нагнетая мотивы ужаса и безумия. Но ужасы в нем – совсем не экранные. Преступления врача-психиатра, поневоле ставшего убийцей – ничто в сравнении с безумием целой страны, добровольно шагнувшей в пропасть нацизма.

Сегодня, когда наследники идей гитлеризма вновь подавляют инакомыслие, бросают за решетку или объявляют «вражескими агентами» политических противников, раздувают национал-«патриотическую» истерию и затевают новые «аншлюсы» и войны, этот фантастический памфлет, вышедший в свет 75 лет назад, никак не кажется устаревшим историческим артефактом. Он читается как предупреждение.

* См. *Bacher L.* Max Ophuls in the Hollywood Studios. Rutgers University Press, 1996. С. 32-33.

Оригинальный текст русского перевода романа набран крайне небрежно, с пропусками знаков препинания и отдельных слов. При подготовке книги к изданию текст был переведен в новую орфографию и приведен в соответствие с современными нормами пунктуации. Были исправлены очевидные опечатки и несколько устаревших оборотов, унифицировано написание некоторых имен и названий. В ряде случаев мы также сочли нужным воспользоваться устоявшейся на сегодняшний день транскрипцией (в оригинале неизвестный переводчик, например, передает фамилию Гиммлер как «Химмлер», а восклицание «Heil» – как «Хэйль»).

Е. М.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.